

1907 г.
Даръ ед. Норвежскаго
16/IV - 1912 г.

Годъ 1.

Апрѣль 1912 г.

№ 6 й.

05(57):9(5)
С-34

Сибирскій
Архивъ.

Журналь археологiи, исторiи и
этнографiи Сибири.

199720
1916

206

75u.

ИРКУТСКЪ.

Вл.-гилъ Т-ва «М. П. Окушевъ и Ко».

1912.

Редакторъ-издатель *Н. Лихъковъ.*

==== О Г Л А В Л Е Н І Е . ====

„Сибирскій Архивъ“

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1911 г. Ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ, апрѣль. 1912 г.

I. СТАТЬИ.

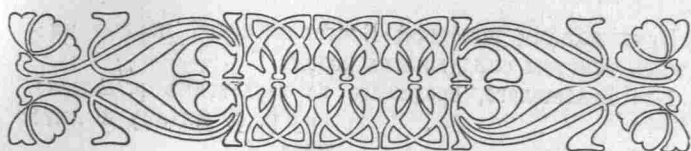
	Стран.	№ книжки.	
1. М. Овчинниковъ. Н. И. Витковскій	1	1	✓
2. П. Собокаревъ. Изъ жизни Н. М. Ядринцева	11	»	✓
3. А. Линьковъ. Археологическія эк- скурсіи:			
а) с. Усть-Балей и р. Киптой	13	»	
в) дер. Крыжановщина-Щукино	16	»	
4. Л. П. А. Пономаревъ	19	»	
5. Духовное завѣщаніе П. А. Псно- марева	25	»	
6. А. Линьковъ. Открытіе мужской прогимназіи въ г. Енисейскѣ	34	»	
7. Письма И. Д. Черскаго къ Н. И. Вит- ковскому	40	»	
8. П. М. Толмачевъ. Заговоры и по- вѣрья въ Забайкальѣ	63	2	
9. М. Овчинниковъ. Олекминскіе скопцы	75	»	✓
10. П. Собокаревъ. Отрывокъ изъ вос- помынаній о жизни на принсахъ К ^о Сибиряковъ, Нѣмчиновъ и Ба- зановъ	91	»	
11. А. Линьковъ. Открытіе Краснояр- скаго Щеголевскаго ремесленнаго училища	96	»	
12. А. С. О декабристахъ Кюхельбе- керѣ, Торсонѣ и Фаленбергѣ	103	»	✓
13. Н. Очевидцы о пожарахъ въ г. Иркутскѣ въ 1879 и 1897 г.г.	105	»	
14. А. Линьковъ. Пожертвованія на отечественную войну въ г. Иркут- скѣ	114	»	

✓ 15.	К. А. Антоновъ. Пребываніе въ Иркутскѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА	133	3
16.	П. М. Толмачевъ. Заговоры и повѣрья въ Забайкальѣ (окончаніе)	136	»
17.	М. Овчинниковъ. Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Олекминскомъ округѣ	152	
18.	А. Линьковъ Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 г.	166	»
✓ 19.	И. И. С. Къ исторіи бурятскаго хозяйства	169	»
✓ 20.	Возстаніе поляковъ въ Сибири 1866 г.	176	»
21.	І. Константинова. Чоно Баторъ (Бурятское сказаніе)	184	»
22.	М. Овчинниковъ. Оюяъ Кэркэнъ Мохсоху. (Якутское преданіе)	190	»
23.	Письма И. Д. Черскаго къ Н. И. Витковскому. (Продолж.)	193	»
✓ 24.	С. Х. Бейлинь. Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ	215	4
✓ 25.	А. Линьковъ. Дѣятели по народному образованію въ Сибири	224	»
✓ 26.	М. Овчинниковъ. Матеріалы для исторіи декабристовъ	230	»
✓ 27.	А. Ермолаевъ. Къ археологій окрестностей г. Канска, Енисейской губерніи	237	»
✓ 28.	М. Овчинниковъ. Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго	243	»
29.	Б. Кубаловъ. Иркутское общество и милиція 1807 г.	252	»
✓ 30.	Разбойникъ Алифановъ	263	»
31	И. И. Серебренниковъ. О старинныхъ домахъ и церквахъ въ Иркутской губерніи	273	»
32.	Учительскій вечеръ въ г. Иркутскѣ	295	»
33.	Береговья укрѣпленія р. Ангары	306	»

	Стран.	№ книжек.
34. Прот. Дм. Гагаринъ. Десятилѣтіе Иркутскаго церковнаго братства во имя Св. Иннокентія	309	»
35. Странный концертъ	318	»
36. С. Х. Бейлинъ. Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ. (Продол.)	322	5
37. И. Корниловъ. Два сна якута	337	»
38. Дневникъ Н. И. Витковского	341	»
39. Изъ прошлаго о пушномъ промыслѣ въ Сибири	354	»
40. Изъ міра «закрытаго» заведенія	357	»
41. Первая смертная казнь въ Иркутскѣ	360	»
42. М. Овчинниковъ Кювней и Юрякянь. (Якутское преданіе)	363	»
43. А. Линьковъ. Изъ исторіи народнаго образованія въ Забайкальской области до 1872 г.	372	»
44. Письма учителя дскабристовъ	376	»
45. М. Овчинниковъ. Вечерочныя пѣсни	377	»
46. Прот. Дм. Гагаринъ. Десятилѣтіе Иркутскаго церковнаго братства во имя Св. Иннокентія (Продолж.)	385	»
47. И. Поповъ. Причины современнаго бродячаго образа жизни тунгусовъ Якутскаго края и тормазы, мѣшающіе имъ осѣсть	417	6
48. А. М. Серебrenниковъ. Якутскіе врачебные участки и ихъ внѣшняя среда за 1909 годъ	426	»
49. Д. Хрусталевъ. Основаніе Иркутской преображенской церкви	433	»
50. А. Линьковъ Первый печатникъ въ Восточной Сибири	439	»
51. Изъ міра Александровской централки	442	»
52. В. Загорскій. Изъ быта и нравовъ Сибири XVIII вѣка	449	»
53. Н. Мокѣевъ. Амуръ и Муравьевъ	465	»
54. Н. Мокѣевъ. Пасхальныя увеселенія въ Иркутскѣ	495	»

II. ЗАМѢТКИ.

- I. Изгнаніе изъ русской азбуки **Θ** и **V**. 54. Чьи стихи? 55. Тайша Аларскихъ бурятъ Матхановъ. 56. **√Н. Романовъ**. Митрополитъ, потерянный исправникомъ. 58. Стихи, пѣтые во время обѣда, даннаго по случаю прѣзда въ Иркутскъ графа Муравьева-Амурскаго. 58. Сибирская жертва А. Стельснеръ. 59. Сибирская стипендія въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. 60. Изъ міра труда. **√60**. Фальшивомонетчики. 62. Свѣдѣнія о стоимости имуществъ, истребленныхъ въ Иркутскѣ пожарами 22—24 іюня 1879 г. 62. II. Злостная **√** эниграмма на графа М. М. Сперанскаго. 118. Н. Интересная кость. 119. Изъ народной медицины. 120. Япдинская волость. 120. Дамскіе кольца и браслеты изъ кандаловъ Н. Г. Чернышевскаго. 122. Смерть и погребеніе И. С. Хаминова. 124. Судъ скорый, въ первый же день. 125. Два преданія. 125. Дополненіе къ лѣтописи Пеземскаго. 127. Изъ Иркутскихъ маскарадныхъ развлеченій. 131. III. Иркутскія эниграммы. 198. Бѣльскія сторожевая башня. 199. **М. Архательскій**. Изъ **√** исторіи декабристовъ. 200. Карточная игра въ Восточной Сибири. 203. Торговые дни и часы для крестьянъ въ Иркутскѣ въ 1780 г. 203. Изъ учебнаго міра. 204. Я. О. Лейбовичъ. 205. **Г. Лобановъ**. Явленія прилива и отлива на Байкалѣ. 206. Голодный годъ въ Иркутскѣ. 207. Измѣненія въ Сибирской природѣ. 207. Церемоніаль открытія народнаго училища въ Иркутскѣ 208. Послѣ Иркутскаго пожара въ 1879 г. 210. **V**. Къ поѣздкѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА по Иркутской губерніи. 394. Два письма, относящіяся къ археологіи Сибири. 400. Иркутскія эниграммы. 401. **М. Овчинниковъ**. Обрядъ Арчы у якутовъ Олекминскаго округа. 404. **Е. Олофинскій**. Изъ старинныхъ правилъ вѣжливости въ Забайкальѣ. 406. Повозный сборъ въ Иркутскѣ. 406. **М. Овчинниковъ**. Оюнь уга Жохсогонъ (Якутское преданіе). 407. Португалець въ Сибири. 409. Развитіе нищенства въ Иркутскѣ въ 1793 г. 410. Засуха въ Иркутскѣ. 410. **М. Овчинниковъ**. Изъ Якутскихъ повѣрій. 413. VI. **С. Б. Г.** Къ пребыванію въ Томскѣ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА. 500. **С. Б. Г.** Изъ жизни Тобольскаго епископа Варлаама. 501. Иркутскія эниграммы. 502.

ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННОГО БРОДЯЧАГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ТУНГУСОВЪ ЯКУТСКАГО КРАЯ И ТОРМА- ЗЫ, МЪШАЮЩЕ ИМЪ ОСЪБТЬ.

Предлагая читателю настоящія свѣдѣнія о тунгусахъ Якутскаго края, считаю нужнымъ указать, какимъ путемъ оказалась у меня рукопись покойнаго о. Іоанна Попова (1). Она была составлена приблизительно въ 1902—3 годахъ (2) и предназначалась, какъ это я могъ судить изъ отрывковъ рукописи, къ докладу съѣзду миссіонеровъ. Будучи въ 1908 году въ Якутскѣ, я получилъ эту рукопись лично изъ рукъ отца, но такъ какъ я пробылъ тамъ не болѣе 3-хъ дней, то получить какія-либо указанія отъ него—не могъ.

При разборкѣ мною рукописи, я не нашелъ въ ней многихъ страницъ, но, насколько помню, отецъ говорилъ мнѣ, что большую часть свѣдѣній о тунгусахъ онъ давалъ Майнову, намѣреваясь съ докладомъ этимъ предать и книгу Майнова. Но, какъ видно, отецъ раздумалъ послать рукопись куда-либо, потому что у меня бѣловинъ рукописи. Вотъ съ точная копія.

— 0 —

Въ январѣ мѣс. 1884 г. я былъ назначенъ въ причтъ походной Благовѣщенской церкви. Нынѣ, по истеченіи 18 лѣтъ, отставленный отъ службы походнаго священника, я задался цѣлю свести къ краткимъ итогамъ дѣятельность свою и въ послѣдній разъ высказаться о нуждахъ бѣдной паствы, тунгусовъ въдомства 7 Кангаласскихъ родовъ.

(1). Имя о. Іоанна Попова извѣстно изъ труда г. Майнова: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края» Изданіе В.-С. О. И. Р. Г. О. 1898 г.

(2). Тунгусскій вопросъ за это время ни на юту не шагнулъ впередъ (за 10 лѣтъ).

Прихожанами походной Благовѣщенской церкви числились тунгусы слѣдующихъ родовъ.

1-го Беллетскаго, бродящаго по верховьямъ р. Алдана.

2-го . . . . . по р. р. Алдану и Амгѣ

3-го . . . . . тоже

Бугирскаго, ... тоже

Никагырскаго . . . . . тоже

1-го Шологонскаго . . . . . тоже

2-го Шологонскаго, бродящаго по р. Синѣ и ея прит.

Тобійскаго,—у озер. Тобія и верхов. р. Мархи, и

Нюрбуганскаго,—по р. Тальбѣ.

Земли, по коимъ бродятъ эти тунгусы, принадлежать къ пустолежачимъ и охватываютъ какъ бы кольцомъ болѣе густо населенныя земли якутовъ.

Тунгусы 7 Кангаласскихъ родовъ суть выходцы изъ Вилюйскаго округа.

Въ концѣ XVIII столѣтія, какъ передаютъ сказанія тунгусовъ, среди Вилюйскихъ инородцевъ вышли крупныя междоусобицы, вынудившія нѣкоторыхъ изъ нихъ брести свои мѣста.

Явившись въ якутскій округъ, какъ изгнанники, безъ какихъ-бы то ни было средствъ къ существованію, эти тунгусы принуждены были воспользоваться тою помощію, какую предложили имъ якуты.

Эти послѣдніе въ лицѣ пришельцевъ увидѣли дешевыхъ работниковъ-батраковъ. Снабдивъ ихъ необходимыми принадлежностями охоты, надѣливъ даже женами, якуты потребовали въ уплату долга продукты ихъ звѣроловства, бывшаго первое время главнымъ занятіемъ тунгусовъ, вмѣстѣ съ оленеводствомъ и рыболовствомъ.

Но многія причины (увеличеніе населенія, лѣсные пожары, падежи на оленей, особенно въ 90 годахъ прошлаго столѣтія, падежи на пушного и вообще на дикаго звѣря) привели къ тому, что звѣроловство годъ отъ году все дѣлалось менѣе прибыльнымъ: оно одно уже не только не могло служить источникомъ для уплаты ясака, но его не хватало прокормить круглый годъ охотника и его семью. Отсутствіе достаточнаго количества оленей заставляло охотника оставлять семью у якутовъ и, забравши въ долгъ у нихъ необходимые припасы, самому уходить на промыселъ въ тайгу.

Львиная часть добычи должна была уйти на покрытіе части долга, (весь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается покрыть) остальная часть переносилась на слѣдующій

тодь, или отработывалась на лѣтнихъ работахъ у якутовъ.

Будучи людьми дѣтски впечатлительными, добродушными, съ одной стороны, а съ другой,—неглухими въ лучшемъ смыслѣ этого слова, хотя зачастую житейски непрактичными,—тунгусы не могли не замѣтить преимуществъ осѣдлой жизни. Отсюда: стремленіе приобрести одну, двѣ головы рогатаго скота, лошадедку и клочекъ земли, годной для сѣнокоса гдѣ-нибудь на берегу таежной рѣчки или озера. Исполнивъ свою завѣтную мечту, тунгусъ уже не столь зависѣлъ отъ удачи или неудачи охоты: корова всегда дастъ ему пищу, а лошадь—большій заработокъ. Учитывая это, тунгусъ понималъ, что охота можетъ быть только подспорьемъ, доходъ съ котораго можетъ пойти на уплату ясака и на увеличеніе скотоводческаго хозяйства. (3).

Однако, якутамъ было невыгодно выпускать изъ своей зависимости почти даровыхъ работниковъ.

Измышляется остроумная исторія: русскій Царь, завсёвавъ Якутскую область, отдалъ русскимъ города и селенія, якутамъ назначилъ рѣки и озера, а тунгусамъ—тайгу, и это такой порядкомъ, который уже нельзя измѣнить. Тунгусы вѣрили, вѣряютъ это у «закону» и теперь еще; якуты же старательно поддерживали эту вѣру.

Первые попытки тунгусовъ получить землю удобную къ занятію скотоводствомъ, не увѣчались успѣхомъ и лишній разъ подчеркивали правильность разъясненій «закона» якутами. Обходъ его былъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если тунгусъ входилъ въ семью якута въ качествѣ зятя, проще—являлся его батракомъ.

Тогда, послѣ смерти хозяина, онъ могъ надѣяться, что жена, оставшаяся членомъ даннаго якутскаго рода, будетъ и впредь владѣть землею.

На участкѣ хозяина тунгусъ дѣлалъ расчистки, строилъ жилище. Если наследники хозяина не притѣсняли

---

(3) Такковы взгляды и желанія большинства тунгусовъ. Но исключеніемъ являются тунгусы 1 Беллетскаго рода, которые, обладая большимъ, сравнительно съ другими, количествомъ оленей и кочуя по удобнымъ для оленеводства рѣчкамъ, въ осѣдлости особенной склонности не проявляютъ.

Прим. автора.

родственника-тунгуса, то таковой постепенно отвыкалъ от бродячей жизни и становился скотоводомъ.

Звѣроловство для него являлось лишь подсобнымъ промысломъ, а съ паденіемъ выгоды охоты—и совершенно забрасывалось.

Во всякомъ случаѣ, положеніе осѣвшаго среди якутовъ тунгуса являлось далеко непрочнымъ, зависящимъ во многомъ отъ доброй воли хозяевъ-якутовъ.

Но если тунгусъ не входилъ въ родственныя отношенія съ якутомъ, то стоило ему только осѣсть, хотя-бы на совершенно пустынномъ мѣстѣ, стоило ему какъ-нибудь обстроиться на немъ, съ большимъ трудомъ расчистить клочекъ земли подъ пашню или выгонъ,—какъ немедленно поблизости появлялись сперва амбарчикъ, а затѣмъ и лѣтникъ якута, который заявлялъ, что мѣсто это принадлежитъ его наслѣгу, которымъ оно отведено ему, ими рекъ.

Впрочемъ, чтобы не спугнуть тунгуса, якутъ въ началѣ ничего не требовалъ, а просилъ лишь, чтобы тунгусъ иногда помогалъ ему въ работѣ или дарилъ отъ своего промысла.

Но на дѣлѣ эти подарки и услуги приходились тунгусу столь солоно, что послѣдній скоро самъ предпочиталъ перейти къ платежу деньгамъ.

По мѣрѣ того, какъ тунгусу труднѣе становилось оторваться отъ насиженнаго мѣста, требованія якута все возрастали и, въ концѣ концовъ, переходили въ правыя и все болѣе тяжелыя условія.

Постепенно якутъ распространялъ свое право собственности на дальнія окрестности, предъявлялъ такое не только къ осѣвшему тунгусу, но и къ промышленному, который прикочевывалъ къ сородичу во время перерывовъ въ промыслѣ. Такъ и понынь за пустыри, ни въ чемъ пользованіи не находящіеся, но на коихъ во время суглазовъ тунгусы останавливаются съ оленями, якуты взимаютъ отъ 50 к. до 1 руб. съ головы оленя.

Но арендная эксплуатація, хотя въ большей части случаевъ и незаконная, не составляетъ главной причины безправнаго положенія тунгуса.

Большее зло составляютъ перѣдкіе случаи, когда якутъ, отдавъ тунгусу землю въ аренду на «вѣчное время», или на срокъ, и получивъ деньги впередъ, нарушаетъ договоръ.

Въ томъ случаѣ, если договоръ письменный, тунгусъ долженъ судиться у сторонниковъ своего обидчика и большею частью остается побѣжденнымъ; если же договоръ былъ устный—то безусловно проигрываетъ.

Ходатайства тунгусовъ о надѣленіи ихъ тою землею, на которой ими возведены постройки, которую они сами расчистили или арендовали у якутовъ уже много лѣтъ, рѣдко удовлетворялись, потому что якуты, узнавъ о подобномъ ходатайствѣ, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы оно было не уважено.

Однако, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, изъ которыхъ я привелъ только главныя, тунгусы все-же стремятъ оставить бродячій образъ жизни. Такъ, изъ всѣхъ 7 Кангаласскихъ родовъ, одинъ лишь первый Беллетскій не выдѣлилъ изъ своей среды пионеровъ земледѣльческо-скотоводческой культуры. Дальше-же всѣхъ ушелъ 2-ой Беллетскій, родовичи котораго оставили бродячій образъ жизни и осѣли.

Изъ осѣвшихъ такимъ образомъ тунгусовъ заслуживаетъ интереса судьба мартиновскаго рода. Онъ осѣлъ уже болѣе 30 лѣтъ среди якутовъ бологурскаго и нахорскаго наслеговъ.

Нынѣшній родоначальникъ его, желая упрочить свое положеніе, рѣшилъ ходатайствовать о надѣленіи его сородичей отчасти пустолежащими землями, отчасти землями, лично расчищенными или арендуемыми уже много лѣтъ. Узнавъ объ этой просьбѣ, наиболѣе заинтересованные якуты приложили всѣ старанія, чтобы Мартыновъ потерпѣлъ неудачу. Это было важно. Мартыновъ—влиятельный человекъ среди своихъ сородичей, и разъ его ходатайство не будетъ удовлетворено, то онъ раззорится, обратится въ ничтознаго бѣдняка и примѣръ его судьбы явится устрашающимъ для другихъ строптивыхъ.

И расчеты якутовъ оказались какъ нельзя болѣе вѣрными. Мартыновъ же дѣло проигралъ.

Значеніе ходатайства Мартынова, такимъ образомъ, огромное.

Это принципиальное рѣшеніе, если не вzego тунгусскаго вопроса, то значительной части его.

Какъ изъ трудовъ ученыхъ изслѣдователей Миддендорфъ, Маакъ, д-ръ Смонинъ, Черскій), такъ и другихъ (Стефановичъ, Майловъ), а равно изъ многолѣтняго личнаго опыта священника-миссіонера, слѣдуетъ придти къ заключенію, что тунгусы Якутскаго округа, по своей нѣ

датливой натурѣ и восприимчивости, заслуживаютъ особеннаго вниманія среди бродячихъ и инородцевъ Якутскаго округа, а если принять во вниманіе родственныхъ имъ ламутовъ, служащихъ проводниками русскаго вліянія въ сѣверныхъ округахъ, то то же придется сказать о всѣхъ тунгусахъ области. Но я считаю себя компетентнымъ лишь относительно тунгусовъ Якутскаго округа, а потому только о нихъ и буду говорить въ этомъ докладѣ.

Выше я назвалъ тунгусовъ податливыми. Этимъ терминомъ я называю отсутствіе консервативности ихъ обычаевъ и нравовъ. Такая черта характера несомнѣнно есть черта племенная, поддержанная вышними условіями существованія племени, раздробленнаго на мелкіе роды и разбросаннаго среди другого, болѣе многочисленнаго народа, съ твердымъ сознаніемъ своей національности якутовъ. Для тунгуса одинаково чужды обычаи, какъ якутовъ, такъ и русскихъ и, при своемъ характерѣ, онъ одинаково охотно усваиваетъ какъ тѣ, такъ и другіе. Находясь среди якутовъ, тунгусъ скоро становится наружно, въ одеждѣ, подобенъ имъ. Но съ такою-же легкостью онъ смѣнитъ якутскую одежду на зипунъ, пиджакъ и пр. русскаго рабочаго. Стефановичъ въ своей брошюрѣ: „Отъ Нелкана до Аяна“ упоминаетъ, что „изъ числа рабочихъ экспедиціи два тунгуса изъяснялись по русски. якуты-же, и даже амгинскій крестьянинъ, говорили лишь по якутски». И это не простая случайность. Тамъ же упоминается, что въ Аяиѣ экспедицію встрѣтилъ тунгусъ староста Карамзинъ въ черномъ сюртукѣ и глаженной рубашкѣ, жена котораго оказалась грамотной и грамотъ-же обучалась его дочь; та же экспедиція за Джугджуромъ встрѣтила богатаго якута-оленовода Токуя, представшаго въ традиціонномъ якутскомъ, съ золотыми пуговицами, сюртукѣ, сарахѣ и пр., а рядомъ съ нимъ его зять тунгусъ—въ пиджакѣ, жокейской шапкѣ и ботфортахъ.

То же самое можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ, среди другихъ тунгусскихъ родовъ, при чемъ перемена одежды является лишь съ одной причины—доступности ея по цѣнѣ.

Конечно, одежда, рѣчь—признаки, на первый взглядъ, малозначущіе, но на самомъ дѣлѣ они указываютъ на слабо развитое чувство національности, а эта черта, въ свою очередь, создаетъ благодарную почву для насажденія культуры и даже полнаго сліянія такого племени съ

другимъ болѣе сильнымъ,—будутъ ли это якуты или русскіе.

Таковъ характеръ тунгусовъ въ свѣдѣніяхъ общихъ и выдающихся чертахъ; бл. годаря ему, и въшнимъ условіямъ, о которыхъ я уже имѣлъ честь сообщить въ предыдущемъ своемъ докладѣ, тунгусы не только склонны къ воспріятію скотоводческо-земледѣльческой культуры, но и при первой возможности переходятъ къ ней.

Въ вышеназванной брошюрѣ Стефановича объ усть-майскихъ тунгусахъ говорится, что часть ихъ объякутилась до тѣго, что не только переняла чуждѣй ихъ образъ жизни, но и забыла совершенно свой родной языкъ; эти тунгусы ведутъ скотоводческо-земледѣльское хозяйство, для чего производятъ новыя чистки прибрежной полосы рѣки Алдана. Часть тунгусовъ того же майскаго вѣдомства заняла по р. Маѣ мѣста бывшихъ станцій упраздненнаго Амгинскаго тракта. Нѣкоторые изъ нихъ (Бубенинъ) имѣютъ даже огородъ, гдѣ садятъ карт.фель, т. е. пошли значительно дальше якутовъ (якуты огородничествомъ не занимаются, по крайней мѣрѣ въ Восточной части округа).

Тѣ-же майскіе тунгусы, черезъ начальника экспедиціи Сидорскаго ходатайствовали передъ якутскихъ губернаторомъ о разрѣшеніи производить, имъ чистки и выпускъ озеръ по р. Маѣ и льготнаго, по закону, отъ податей права пользованія этими вновь занятыми землями. О томъ-же спрашивали меня не разъ, различныя тунгусы 7 Кангаласскихъ родовъ, ходатайства которыхъ о надѣленіи ихъ землею часто передавались мнѣ для представленія по принадлежности.

Взглянувъ на карту округа, мы увидимъ, что тунгусы занимаютъ окраины поселеній якутовъ. Такъ, на востокѣ по Алдану и Маѣ—майскіе тунгусы; на югѣ и юго-востокѣ, по р. р. Алдану, Амгѣ, Толбѣ др.—тунгусы кангаласскаго вѣдомства. Въ эти земли принадлежатъ къ мѣстамъ или дѣйствительно пустолежащимъ, или же на нихъ очель рѣдкими сазисами встрѣчаются юрты якутовъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти земли не вошли въ надѣлы якутамъ какого-либо улуса. Ни справедливость, ни чьи-либо интересы не будутъ поэтому нарушены, если тунгусамъ будетъ дано право селиться на пустолежащихъ земляхъ, производить расчистки, выпускъ озеръ на льготныхъ, закономъ предусмотренныхъ, условіяхъ, т. е.: тунгусы пользуются известное время, безъ увеличенія ясака,

захваченными землями, послѣ чего уже платятъ известный оброкъ. Укрѣпленіе захваченныхъ земель предоставить полицейскому управленію... Жалобы на распоряженія полиціи по сему вопросу предоставить областному правленію, которое о справедливости жалобъ удостовѣряется черезъ землемѣровъ и депутатовъ.

Болѣе затруднительнымъ является вопросъ объ упорядоченіи быта тѣхъ тунгусовъ, кои уже осѣли среди якутовъ. Но такъ какъ такіе тунгусы на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ, въ нравахъ, занятіяхъ и отчасти по языку, то справедливо было бы закрѣпить за ними тѣ земли и уголья, коими они владѣютъ известное время на правахъ аренды, дара, или инымъ какимъ порядкомъ.

Это справедливо, потому-что всѣ земли области сугб земли казенныя, находящіяся лишь во временномъ пользованіи населенія; такой временный владѣлецъ-якутъ, отдавая землю въ аренду, тѣмъ самымъ нарушаетъ интересы казны, лишая ее возможности получать оброкъ съ дѣйствительнаго владѣльца. Однако, облагая тунгуса повинностями (известными денежными), слѣдуетъ вновь расчищенные имъ земли считать оброчными лишь по истеченіи известнаго закономъ, установленнаго времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы лишнимъ предоставить право осѣвшимъ тунгусамъ, переходить изъ тунгусскаго рода въ якутское общество, при согласіи, конечно послѣдняго; или же образовывать особое отъ якутскаго сельскаго общества, сельское-же тунгусское общество съ правами и обязанностями, присвоенными названной административной единицѣ и съ присоединеніемъ такого вновь образованнаго общества къ ближайшей по ихъ выбору волости. (4).

Кочуя по громадной тайгѣ Якутской области, тунгусы сходятся къ жилищамъ якутовъ во время перерыва въ своихъ промыслахъ: зимою, въ періодъ самыхъ трескучихъ морозовъ, когда промышленникъ долженъ свою добычу

---

(4) По существу, на этомъ мѣстѣ кончается рукопись о. Іоанна. Помѣщаемыя ниже свѣдѣнія повидимому относятся къ этому же самому докладу. На этомъ полулистѣ о. Іоанномъ сдѣлана выноска вверху: «2». Не зная, къ чему она относится и предполагая, что много листовъ утеряно, я помѣщаю ее въ концѣ.

обмѣнять на необходимыя принасы, и лѣтомъ, когда «гнусть» (комарь и мошка) гонить людей и оленей изъ тайги на открытыя прибрежныя мѣста, гдѣ къ благодѣтельному вѣтру возможно присоединить дымокуръ. (6).

Этими періодами пользовался я при объѣздахъ своихъ прихожанъ, такъ какъ въ другое время найти тунгусовъ невозможно. Съ середины юня, въ теченіе мѣсяца, я объѣзжалъ обыкновенно стойбища тунгусовъ по правымъ притокамъ р. Лены; половину же декабря и января приходилось посвящать на объѣзды стойбищъ по лѣвымъ притокамъ той-же рѣки. Неудобства лѣтнихъ объѣздовъ было ничто въ сравненіи съ зимнимъ путешествіемъ, когда на одну ночь приходилось прсводить въ снѣгу, подъ открытымъ небомъ, при 50 градусахъ мороза (по Реомюру). Такой морозъ ослииваетъ самый яркій и большой огонь костра. Но, по совѣсти, я не могу сказать, что тяжелѣе отзывалось на миссіонерѣ—неудобства пути или невозможная обстановка совершенія таинства св. крещенія: зимой въ урасѣ (5) тунгуса.

Самая большая ураса въ поперечникѣ по землѣ имѣетъ около 2-хъ сажени, въ высоту же до 4 аршинъ. Но эти размѣры имѣетъ рѣдкая ураса, большею же частью 1½ саж. въ поперечникѣ при сажени высоты подъ дымовымъ отверстіемъ. Но и въ самой большой урасѣ дымъ отъ костра наполняетъ все пространство, начиная съ ¾ аршина отъ земли.

По этой причинѣ всѣ, какія только возможно, священнодѣйствія приходится совершать, стоя на колѣняхъ, да и то при условіи маленькаго костра.

Но тогда въ урасѣ быстро наступаетъ холодъ, отъ котораго кипятокъ, налитый въ купель, быстро остываетъ, св. дѣры замерзаютъ и чашу приходится чуть-ли не накалывать у того-же костра. Спѣшишь погрузить младенца въ уже остывшую воду, спѣшно совершаешь остальные священнодѣйствія, но все-же волосы у младенца

---

(5). Ураса—коническій шалашъ изъ жердей, покрытый: зимою—оленьими шкурами или корой березы, лѣтомъ— корою березы.

И. П.

(6) Тлѣющіе сухіе экскременты (лошадиные или рогатаго скота), дыма отъ которыхъ не выносятся комары и мошки. Такія кучи горятъ все лѣто день и ночь.

И. П.

подстригаешь уже мерзлые. При совершении таинства крещения въ этихъ условіяхъ нѣтъ не только торжественности и благолѣнія, но страдаютъ христіанскія чувства въ самыхъ глубинахъ.

Вѣдь таинство совершается у огня, на которомъ подогрѣваешь воду для купели, чашу со святыми дарами, ходишь вокругъ огня (костра), коему и донынѣ поклоняются маловѣрные тунгусы.

Въ сознаніи ихъ остается представленіе о невозможности окрестить младенца безъ огня и считается съ тѣмъ, что подобныя дѣйствія священника вызываются лишь суровой необходимостью, они безусловно не будутъ. Они объясняютъ, это, какъ видъ поколенія огню... *)

И. Поповъ.

ЯКУТСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ УЧАСТКИ И ИХЪ ВНѢШНЯЯ СРЕДА ЗА 1909 ГОДЪ.

Якутская область занимаетъ по величинѣ первое мѣсто изъ всѣхъ губерній и областей Россіи.

На этомъ огромномъ пространствѣ могли бы вмѣститься сорокъ восемь губерній Европейской Россіи.

По густотѣ же населенія область уступаетъ не только малонаселеннымъ губерніямъ Европейской Россіи, но и всѣмъ губерніямъ и областямъ (кромѣ Камчатской) Азіатской Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого мѣста, гдѣ температура зимы была бы такъ низка, какъ въ Якутской области. На сѣверѣ Гренландіи, на 82° сѣверной широты, средняя температура зимы —29½° Р., въ Якутскомъ округѣ—30½° Р., въ Верхоленскомъ—37°—42° Р. и только въ Олекминскомъ нѣсколько выше—26° Р.

При такихъ мсрозахъ почва такъ промерзаетъ, что не успѣваетъ за короткое лѣто оттаять на весь слой мерзлоты.

Ртуть въ градусникахъ превращается въ твердое тѣло. Самымъ центромъ холода является Верхоянскъ, гдѣ иногда температура падаетъ до 56°, а ртуть замерзаетъ на 109 дней. Суровая зима смѣняется знойнымъ лѣтомъ, когда температура въ томъ же Верхоянскѣ достигаетъ плюсь 30° Р.

---

*) На этомъ мѣстѣ рукопись кончается.

Но лѣто здѣсь коротко и, даже не успѣвъ стогрѣть землю, уступаетъ мѣсто морозамъ, которые, въ срединѣ октября, а то и сентября, сковываютъ льдомъ, достигающимъ восьми футовъ толщины, рѣки и покрываютъ имъ, не успѣвшую оттаять землю.

Суровое царство льда длится до середины мая.

Климатъ въ Якутской области сухой.

Количество атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ области, незначительно и, кромѣ того, крайне неравномѣрно распредѣлено по временамъ года.

Флора области очень однообразна и растительность, въ которой преобладаютъ тайнобрачныя, развиваясь, по краткости лѣта, быстро,—столь же быстро отцвѣтаетъ.

Насколько скудна и однообразна флора, настолько же богата и разнообразна фауна области: на островахъ и побережьяхъ Ледовитаго океана насчитывается то десятки видовъ морскихъ животныхъ, тайга наполнена множествомъ звѣрей и птицъ.

Къ сожалѣнію, многіе виды, вслѣдствіе хищничества звѣропромышленниковъ, совершенно почти уничтожены.

Якутская область заселена незначительною частью русскихъ, девяносто девять процентовъ которыхъ давнымъ—давно обьякутились, до полнѣйшей утраты способности издавать членораздѣльные звуки по-русски, и дошли почти до степени полнѣйшаго одичанія.

Главное населеніе этой области составляютъ инородцы, среди которыхъ первое мѣсто по численности занимаютъ якуты, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже, второе—тунгусы, а далѣе идутъ ламуты, юкагиры и чукчи.

Познакомимся теперь съ пространственными отнѣшеніями врачебныхъ участковъ. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о количественномъ составѣ и распредѣленіи врачебнаго персонала. Врачей въ области было семнадцать человекъ, въ томъ числѣ врачебный инспекторъ и его помощникъ, и 26 человекъ фельдшеровъ, фельдшерницъ, акушерокъ и повивальныхъ бабокъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ области были три фармацевта, 1 зубной врачъ и 1 дантистъ. Врачи по области распредѣлялись такъ: шесть врачей въ областномъ городѣ Якутскѣ, пять врачей въ Якутскомъ округѣ, 1 въ Верхоянскомъ, 3 въ Вилюйскомъ округѣ и по 1 въ Колымскомъ и Олекминскомъ округахъ.

Врачебные участки.

Якутскій округъ. Въ 1-мъ участкѣ врачъ проживаетъ въ селѣ Покровскомъ; имѣется два самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта: одинъ въ 250 верстахъ отъ врача въ Итатскомъ селеніи, другой при Восточно-Бангаласской управѣ, въ 45 верстахъ отъ врача.

Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—450 версть; наименьшее—80 версть.

Пространство участка составляетъ 160,000 кв. версть, число жителей участка равняется 39 тысячамъ человѣкъ. Во 2-мъ участкѣ врачебный пунктъ находится при Намской управѣ.

Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—550 версть, наименьшее—10 версть, пространство участка равняется 20 тысячамъ квадратныхъ версть. Въ 3-мъ участкѣ врачебный пунктъ въ селѣ Амгѣ, имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ въ Мегинскомъ улуѣ, въ 112 верстахъ отъ врача.

Наибольшее разстояніе—600 версть, наименьшее—35 версть, пространство участка равняется 75 тысячъ кв. версть, а число жителей—около 27 тысячъ человѣкъ.

Въ 4-мъ участкѣ врачъ и фельдшера проживаютъ въ урочищѣ Чуранча.

Наибольшее разстояніе—900 версть, наименьшее 1.5 вер., пространство участка—100 тысячъ кв. версть, число жителей равняется 31 тыс. человѣкъ.

Въ пятomъ участкѣ врачъ живетъ въ урочищѣ Баяга, имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ при Дорогонской инородной управѣ, въ 80 верстахъ отъ врача. Наибольшее разстояніе—1000 версть, наименьшее—22 версты, число жителей участка—около 25 тысячъ человѣкъ.

Олекминскій округъ.

Одинъ участокъ составляетъ весь Олекминскій округъ. Резиденція врача въ городѣ Олекминскѣ.

Имѣется 2 самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта: одинъ при Нерюктейскомъ волостномъ управленіи, въ 30 верстахъ отъ врача, другой—въ Нехтуйскомъ селеніи, въ 200 верстахъ отъ врача. Наибольшее разстояніе границы участка отъ врача—320 версть, наименьшее—10 версть, пространство участка равняется 110 тыс. кв. версть.

Населеніе равняется 15,113 человѣкъ.

Вилуйскій округъ.

Врачъ и фельдшера 1-го участка проживаютъ въ городѣ Вилуйскѣ. Наибольшее разстояніе—1500 верстъ, наименьшее—130 верстъ; пространство участка—около 50 тыс. кв. верстъ.

Въ 2-мъ участкѣ врачъ и фельдшера проживаютъ въ Нюрбѣ.

Имѣется одинъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ въ Ельгяѣ, въ 170 верстахъ.

Наибольшее разстояніе—2000 верстъ, наименьшее 105 верстъ; пространство участка—44,255 в. Вс. всемо Вилуйскомъ округѣ населеніе составляетъ 75.955 ч.

Колымскій округъ.

Одинъ участокъ составляетъ весь колымскій округъ, населеніе котораго равняется 6,864 чел. Имѣется два самостоятельныхъ фельдшерскихъ пункта; одинъ въ Верхне, другой въ Нижне-Колымскѣ, оба въ 500 верстахъ разстоянія отъ врача.

Наибольшее разстояніе 1200 вер., наименьшее—370 вер. 1 участокъ составляетъ весь округъ, съ населеніемъ въ 15,378 чел. Резиденція врача въ г. Верхоянскѣ.

Имѣется одинъ фельдшерскій пунктъ въ селѣ Булуунѣ, въ 1000 в. отъ врача. Наибольшее разстояніе—2000 в., наименьшее—500 в.

Расходы на медицинскую часть вообще достигли до 126,469 р. 62 к. Главными источниками содержанія служили суммы, отпускаемыя изъ земскихъ сборовъ (70%), капитала общественнаго призрѣнія (0,3%), остальные же дали правительство, частныя общества и лица.

Всего въ области больныхъ, обращавшихся за врачебною помощью, зарегистрировано было 33,895, изъ нихъ пользовалось стационарно 1,532 и амбулаторно 32,363.

Въ 1909 году обращалось къ врачебной помощи на 4,306 человекъ меньше, чѣмъ въ 1908 году, а въ этомъ послѣднемъ году, по сравненію съ 1907 годомъ, меньше на 1,524 человекъ. Самый значительный процентъ изъ числа обращавшихся за медицинскою помощью составляютъ якуты.

А каковы ихъ образъ жизни и привычки, читатель узнаетъ изъ интереснаго доклада мѣстнаго уроженца, врача Н. А. Писова, который мы здѣсь будемъ цитировать, дополняя личными наблюденіями, которыя ни въ чемъ не расходятся съ фактической стороною упомянутого

доклада Попова. (См. его брошюру: «Якуты, ихъ образъ жизни, привычки»).

Жилище удуснаго якута устроено или въ видѣ юрты изъ тонкаго лѣса, смазаннаго коровьимъ пометомъ (вспомните при этомъ, читатель, какая масса въ области разныхъ родовъ глины!), или небольшой рубленки въ одну комнату; печь въ жилищѣ устроена почти всегда въ видѣ камина.

(Припомните, читатель, при этомъ пятидесятиградусные якутскіе морозы!)

Рядомъ съ жилымъ помѣщеніемъ устраивается «хотонъ», го просто говоря, хлѣвъ, гдѣ помѣщается всеимѣющийся рогатый скотъ.

Въ такомъ жилищѣ, не говоря объ ужасномъ зловоніи отъ скота, бываетъ или очень жарко, или очень холодно, смотря по заботливости хозяевъ о своемъ каминѣ, и ночью, напримѣръ, когда некому слѣдить за огнемъ, въ помѣщеніи всегда очень холодно.

При этомъ отъ стѣнъ и оконъ, или кодебій послѣднихъ въ видѣ отверстій, заткнутыхъ льдинами съ отверстиями, всегда дуетъ, а около этихъ стѣнъ устраиваются ихъ кровати.

Для новаго человѣка, привыкшаго даже къ плохой крестьянской избушкѣ, такое помѣщеніе едва выносимо.

Если къ этому еще прибавить ужасную нечистоплотность во всемъ, съ чѣмъ вы только придете въ соприкосновеніе, невольно является желаніе какъ можно скорѣе выбраться изъ этого ужаснаго жилья, что бы васъ впереди ни ожидало.

Насколько ужасно жилище якута,—говорить далѣе докторъ Н. А. Поповъ,—видно изъ того, что путешествующіе предпочитаютъ переносить и холодъ и голодъ и всѣ неудобства лежанія въ экипажѣ въ тяжелой зимней одеждѣ, лишь бы не входить въ юрту якута. Доктору Попову извѣстны случаи, когда непривычные люди, входя въ юрту, чтобы отогрѣться, почти теряли сознаніе, или съ ними начиналась рвота или головокруженіе отъ амміачнаго запаха, смѣшаннаго съ запахомъ коровьяго помета и всѣхъ испареній отъ скота. Такъ устроился якутъ со стороны жилища. Посмотримъ теперь, чѣмъ онъ питается. Пища якута въ большую часть года состоитъ изъ ячменной лепешки и фальсифицированнаго кирпичнаго чая, слегка забѣленнаго молокомъ.

Кирпичный чай въ большинствѣ случаевъ варится съ грязной озерной водой въ мѣдномъ, давно нелуженомъ чайникѣ.

Лепешки же якутами приготовляются слѣдующимъ образомъ.

Извѣстное количество муки (ячменной), приготовляемой собственными средствами на ручныхъ жерновахъ, съ огромнымъ количествомъ остей отъ колоса, непросѣянной, смѣшанной со всякой пылью, случайно попавшей въ муку, замѣшивается на водѣ и затѣмъ раскатывается на грязномъ столѣ или скалкою илцъ, за неимѣніемъ ея, рукой; при этомъ женщины, приготовляющія лепешки, имѣютъ обыкновеніе часто поплевывать на ладони, чтобы скалка лучше работала.

Такъ скатанная лепешка поджаривается на каминѣ или приставляется къ тагану или на сковородѣ.

Какъ только поверхность лепешки зарумянилась, она готова, хотя въ серединѣ ея—совершенно сырое тѣсто.

Кто состоятельнѣе, къ этой лепешкѣ прибавляетъ масла, хаяку (замороженная сметана).

Чай и лепешка съ утра до вечера,—и такъ каждый день—говорить врачъ Поповъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ пищевой режимъ сдѣривается еще, такъ называемой, „сымой“.

«Сыма» эта состоитъ изъ мелкой озерной рыбы, неочищенной, невышотрошенной, сваливающейся въ какую нибудь посуду или въ специально вырытую для этого земляную ямку и заливающуюся кислымъ молокомъ.

Эта смѣсь начинаетъ бродить до наступленія холодовъ, при чемъ изъ этого получается загнившая, часто кишащая червями масса.

Отъ этой смерзшейся зимой массы отрубаютъ, сколько нужно, и варятъ это съ молокомъ или таромъ.

При варкѣ этой пицци,—пишетъ докторъ Поповъ,—поднимается ужасная вонь; послѣдняя бываетъ настолько сильна, что если въ это время подъѣзжать къ юртѣ, то непривычная къ запаху «сымы» лошадь, безъ энергичныхъ понуканій, не хочетъ подходить къ этой юртѣ.

На почвѣ такого питанія и образа жизни развиваются, конечно, всевозможныя болѣзни, всевозможныя инфекции. Между прочимъ, распространенію туберкулезной инфекции способствуетъ еще своеобразное отношеніе якута къ выдѣленіямъ носа и къ мокротѣ.

Последнія они разбрасывают по всему жилищу, намазывая на стѣны, на лавки и разбрасывая по полу.

Доктору Попову пришлось замѣтить, что безцеремонное выплевываніе указываетъ на извѣстный шикъ и не зависящее положеніе.

Вообще, гнойная инфекция распространена среди якутовъ, что объясняется исключительно нечистоплотностію ихъ, живущихъ всегда скученно и грязно, со скотомъ.

Баня среди якутовъ нѣтъ, а якутская юрта совершенно непригодна даже для частичныхъ омовеній тѣла.

Одежду якуты носятъ до тѣхъ поръ, пока она совершенно не развалится.

Невозможный запахъ отъ его ужасно загрязненнаго тѣла и такой же одежды слышенъ на разстояніи даже въ сильныя морозы.

Если принять такимъ образомъ во вниманіе обстановку якутовъ, ихъ феноменальную нечистоплотность, раздражающее глазъ дѣйствіе пылающаго, а временами и дымящагося камина, около котораго якуты проводятъ большую часть дня, непрестанное ихъ куреніе табаку, обращеніе за медицинскою помощью только тогда, когда все или почти все потеряно, а подѣ часть и полное игнорированіе ея, то причина большого распространенія среди нихъ болѣзней, въ томъ числѣ глазныхъ, станетъ совершенно понятна.

Безъ сомнѣнія, укорененію болѣзней благоприятствуетъ также исключительная разбросанность расселенія якутовъ, что при громаднѣхъ разстояніяхъ и первобытныхъ путяхъ сообщенія прямо-таки препятствуетъ распространять сферу возможнаго врачебнаго вліянія за предѣлы медицинскихъ пунктовъ, и наклонность якутовъ скрывать своихъ заразныхъ больныхъ парализуетъ это вліяніе даже въ сферѣ этихъ пунктовъ.

Разумѣется, болѣзни, въ общемъ, даютъ огромный процентъ смертности, а потому ежегодный приростъ населенія среди якутовъ почти ничтоженъ.

Добавьте къ этому ужасающую смертность дѣтей— и предъ вами предстанетъ картина постепеннаго вымирания, угасанія племени, благодаря также, между прочимъ, сифилису, непомѣтному употребленію вина и пристрастію къ картежной игрѣ, гдѣ ставится на ставку все.

Въ 1909 году акцизный доходъ выразился, въ общей сложности, суммой девятьсотъ девяносто одна тысяча

восемьсотъ девяносто одинъ рубль 93 коп., болѣе противъ 1908 года на 87,906 р. 67 к. Повышеніе это, главнымъ образомъ, падаетъ на доходы отъ продажи вина и спирта.

Наконецъ, со стороны психики якуты могутъ быть охарактеризованы тѣмъ, что они коварны, злопамятны и мстительны; преобладающая страсть ихъ—деньги и нажива.

Надо отмѣтить при этомъ необычайное пристрастіе якутовъ къ тяжбамъ, которыя вошли прямо-таки въ кровь якута и, смѣло можно сказать, что якуты чувствуютъ себя скверно, когда нѣтъ повода къ тяжбѣ.

Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на тотъ общезвѣстный фактъ, что получившій травму якутъ ходитъ въ амбулаторію до тѣхъ только перъ, пока не получить свидѣтельства о поврежденіяхъ, чтобы начать дѣло, а дальше вы его не увидите; да и явился то онъ къ вамъ съ тою лишь цѣлью, чтобы только заполучить это свидѣтельство.

Врачъ А. М. Серебренниковъ.

Г. Якутскъ, 1912 года 16 января.

ОСНОВАНІЕ ИРКУТСКОЙ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Исторія старинныхъ иркутскихъ церквей не лишена своего интереса тѣмъ болѣе, что попутно встрѣчались любопытные факты изъ жизни городской. Въ особенности бы желательно свѣтить первоначальную исторію крестовскоѣ церкви, которую построили плѣнные шведы.

Въ настоящей справкѣ я коснусь исторіи возникновенія иркутской преображенской церкви.

1795 года февраля 21 числа иркутскій купецъ Стефанъ Яковлевъ сынъ Игнатевъ подалъ прошеніе преосвященному Веніамину 1-му (Багрянцеву) о слѣдующемъ:

«Вашему преосвященству изъ изустнаго прошенія являющее желаніе мое небезызвѣстно, что я желаю приступить къ построенію каменной вновь по здѣшнюю сторону кузнечныхъ рядовъ церкви, полагая на то чрезъ самаго себя употребить шесть тысячъ рублей; суммой этой побуждаюсь единственно въ разсужденіи отдаленности отъ благовѣщенской церкви отъ стоящаго селенія, дабы обитатели, ближе оную всегда имѣя ради отнесенія моленія

Богу, могли имѣть удобства и ради исправленія требъ; въ позывѣ церковно-служителей не было: имъ же и затрудненія. Ко всему предпринятому намѣренію надобны: первое—позволеніе вашего архипастырства, а второе мѣсто, гдѣ надлежитъ быть той церкви основанію указано; но сіи преграждающіе пункты зависятъ отъ разрѣшенія вашего преосвященства; а потому всепокорнѣйше испрашиваю—первымъ вознаградить, а другое обыкновеннымъ порядкомъ отъ кого слѣдуетъ истребовать; дабы судящаго мѣста, сколько можно будетъ, безъ заготовленія потребныхъ къ строенію припасовъ не упустили; но при томъ осмѣливаюсь наиприлежнѣйше просить о неоставленіи безъ уваженія моего намѣренія относительно церкви сей; какъ она будетъ троехрамовая: начальному позволить во имя преображенія Господня быть слѣдовательно, именовать ее—преображенскою повелѣть“. На прошеніи преосв. Веніаминномъ положена резолюція: „1795 года февр. 21 дня. Иезиковъ по показанному въ прошеніи означенію строить благословляемъ“.

Такъ какъ отведеніе мѣста подъ вновь возидаемую церковь зависѣло отъ иркутскаго губернатора, то п. Веніаминъ отъ того-же числа февраля мѣсяца вошелъ къ нему писемомъ слѣдующаго содержанія: „Здѣшняго города Иркутска купецъ Степанъ Яковлевъ сынъ Игнатъевъ подаваемымъ по сегодняшнее число прошеніемъ предложилъ желаніе и усердіе свое вновь построить каменную церковь по здѣшнюю сторону кузнечныхъ рядовъ. Я разсматривалъ побудительныя причины, на коихъ онъ свое желаніе основывалъ, и нашелъ ихъ отмѣнено законными, почему и не могу сему благоудному намѣренію не споспѣшествовать. Но нужно мѣсто; а какъ назначеніе онаго зависитъ отъ разсмотрѣнія вашего превосходительства, то по разужденіи сего васъ, милостиваго моего государя, покорнѣйше прошу, дабы благоволили, по моему сообщенію, повелѣть отвести мѣсто для строенія церкви оной по каждающему и меня о томъ слѣдуетъ увѣдомленіемъ, чтобы и я могъ распоряженіемъ того, что съ моей стороны въ семь дѣлъ зависить, споспѣшить. Впрочемъ при особѣ вашего превосходительства съ истиннымъ выскопочитаніемъ и величепріятною преданностію всегда пребываю“. На это письмо п. Веніамина губернатору. Пилларіонъ Тимофѣевичъ Нагель съ 23 февраля 1795 года отвѣтилъ:

„Споспѣшествуя богоудному здѣшняго купца Степана Игнатъева въ построеніи здѣсь въ Иркутскѣ по ея сторону

кузнецкихъ рядовъ каменной церкви населенію, въ благо-склоннѣйшемъ сношеніи вашего преосвященства мнѣ изъясненному, предписалъ я иркутскому г-рдинскому г-ну секундъ маюру Кондратову, обще правящимъ должность г-бернскаго архитектора Лосевымъ, согласно желанію просителя, показать подъ строеніе оной пристойное мѣсто, которое съотвѣтствовало бы виду сего знаменитаго зданія и съобразно Высочайше утвержденнаго для здѣшняго города генеральнаго плана; на каковой случай почту нужнымъ слѣзть платъ съ того мѣста, гдѣ будетъ строиться храмъ и предоставить его вашему преосвященству.

✓ Совершая сіе съ истиннымъ и непремѣннымъ моимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, съ таковою-же преданностію нѣтъ чести навсегда, милостивый государь и архиепископъ, быть

вашего преосвященства
покорнѣйшимъ слугою
Илларионъ Нагель.

Получивъ отъ иркутскаго губернатора благопріятный отвѣтъ объ отводѣ пристойнаго въ городѣ мѣста подъ сооружеііе каменной церкви, п. Веніаминъ представилъ все это дѣло въ Святѣйшій Синодъ въ слѣдующемъ представленіи

„По причинѣ ежегодно вновь населяемыхъ въ здѣшнемъ городѣ Иркутскѣ жителей приходы владимирской, благовѣщенской и крестовоздвижен. церквей, между собою смежныя, распространяются. И многіе, принадлежащіе къ нимъ, приходскіе дома отъ своихъ церквей на немалое разстояніе отдалены, отчего въ хожденіи въ Божію церковь на молитву и въ приглашеніи священниковъ для требъ духовныхъ жителей тѣхъ приходовъ затрудняются. По каковымъ затрудненіямъ, нѣкоторые изъ вновь поселенныхъ прихожанъ около двухъ годовъ до сего просили, чтобы имъ дозволено было для молелія построить часовню въ удобномъ для нихъ мѣстѣ; но какъ таковая ихъ просьба была незаконна, то и оставлена. Нынѣ-же поданнымъ ко мнѣ доношніемъ иркутскіе купцы Стефанъ Яковлевъ сынъ Пгнатъевъ и Иванъ Никитинъ сынъ Сухихъ, побуждаясь прописанными для прихожанъ означенныхъ церквей неудобностями, предъявили свое желаніе и усердіе, чтобы, за распространеніемъ оныхъ приходовъ, для отдалившихся отъ церквей прихожанъ построить вновь каменную церковь во имя преображенія Господня съ двумя прѣдѣлами, назначая къ строенію оной на первѣй

случай денежной суммы: первой—шесть тысяч, а другой—три тысячи, объясняя при томъ, что какъ *намѣреваемая церковь имѣетъ быть строена для мастеровыхъ кузнецовъ, вновь поселенныхъ*, то оныя мастеровые кузнецы и берутся, что нужно будетъ въ дѣлѣ желѣзномъ для церкви все то сдѣлать изъ своего матеріала; и просили, чтобы, по желанію у ея ея ея, дозволено было *имѣть намѣреваемую церковь построить*.

По поводу сей вторичной просьбы учинена въ консисторіи съ исполненными за 1794 годъ выше объявленныхъ трехъ церквей росписями справка, по которой оказалось, что во владимирскомъ приходѣ *триста домовъ*: въ нихъ жителей мужского пола 617, женскаго пола 793; въ благовѣщенскомъ *двѣсти пятьдесятъ одинъ домъ*, въ нихъ жителей мужского пола 625, женскаго 726; въ крестовоздвиженскомъ *триста сорокъ семь домовъ*; въ нихъ жителей мужского пола 1353, женскаго—1112. Слѣдовательно, по сему числу домовъ, оставляя въ каждомъ изъ помянутыхъ приходоѡ указное этой приходной церкви число домовъ, можно еще составить указное число домовъ для прихода *и* намѣреваемой церкви отъ дѣлѣ отъ вышеозначенныхъ трехъ приходоѡ по нѣсколько домовъ по пристойности, и которые отстоятъ въ наибольшей отдаленности отъ нынѣшнихъ церквей, къ коимъ принадлежать. Въ разсужденіи сего имѣлъ я сношеніе съ господиномъ губернаторомъ Иркутскимъ генераль-маіоромъ и кавалеромъ Нагелемъ о назначеніи къ построенію оной церкви мѣста, и въ отвѣтъ отъ него получилъ, что онъ, господинъ губернаторъ, споспѣшествуя богоугодному означенныхъ купцовъ къ построенію въ Иркутскѣ по сю сторону кузнечныхъ рядоѡ каменной церкви намѣренію, предписать Иркутскому городничему господину секунд-маіору Кондратову, обще съ правящимъ должностію губернскаго архитектора прапорщикомъ Лосевымъ, согласно желанію просителей, показать подъ строеніе оной пристойное мѣсто, которое-бы соотвѣтствовало виду сего знаменитаго зданія и сообразно Высочайше опробованнаго для здѣшняго городу генеральнаго плана, на каковой случай почти нужнымъ снять съ того квартала, въ которомъ церковь будетъ строиться, планъ, общіе оной мнѣ доставить. Итакъ, по соображенію всего представленнаго, построеніе намѣреваемой церкви съ указными вашего святѣйшества повелѣніями видится быть согласно, и побудительныя причины къ тому законны, тѣмъ паче, что въ сторонѣ прилежащей къ вышеозначеннымъ тремъ приходамъ, *ежегодно жители вновь*

поселяемы бываютъ и по немалому числу домовъ, почему и неудобности, которые суть побужденіемъ, чтобы церковь вновь построить, ежегодно-же увеличиваются; требуемое-же число домовъ подъ приходъ съ отдѣленіемъ малаго точно числа домовъ отъ вышеозначенныхъ трехъ приходоу тѣхъ напаче, которые наиболѣе отъ нынѣшнихъ своихъ церквей отдаленныхъ въ то время, пока сооруженіе церкви производится, чрезъ вновь ежегодно населяемыхъ вѣрно и съ избыткомъ; въ разсужденіи чего ваше святѣйшество покорнѣйше прошу дозволить намъ бреваемую церковь вновь построить и къ ней новый приходъ учредить; и на то ваше святѣйшества указнымъ повелѣніемъ меня снабдить, котораго съ благоговѣніемъ и ожидать имѣю; (6 марта 1795 г.)“
На это представленіе послѣдовало указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 марта 1795 года, коимъ разрѣшалась постройка преображенской церкви.

По содержанію означеннаго указъ Святѣйшаго Синода послѣдовало распоряженіе епархіальнаго начальства на имя благочиннаго градо-иркутской архангельской церкви протопопа Федора Сухихъ объ отчисленіи къ преображенской церкви прихожанъ отъ близъ находящихся церквей. Благочинный отъ 2-го сентября 1789 года рапортовалъ о слѣдующемъ съ его стороны исполненіи:

„Во исполненіе присланнаго ко мнѣ изъ духовной консисторіи указа, кѣмъ повелѣно состояще по близости ко вновь сооружаемой преображенской церкви отчислить отъ здѣшнихъ градскихъ приходоу, какъ-то: богородско-владимирскаго, благовѣщенскаго и крестовоздвиженскаго надлежащаго количества приходскихъ домовъ и къ нимъ живущихъ обоего пола людей и, для лучшаго приходскихъ домовъ сплоченія, учинить именную роспись. Велѣствіе чего мною обще съ церковнымъ ктиторомъ купцомъ Стефаномъ Игнатьевымъ именная роспись и учинена, которая на разсмотрѣніе въ оную консисторію благопочтеннѣйше представляется, съ тѣмъ, что въ разсужденіи малаго количества въ благовѣщенскомъ приходѣ домовъ, то мною отведено по близости и смежности къ оной отъ крестовоздвиженскаго прихода сорокъ одинъ домъ, то затѣмъ осталось въ крестовскомъ приходѣ двѣсти девяносто четыре двора, о чемъ оной консисторіи почтенно и репортую.

Роспись, кѣмъ число изъ богородско-владимирскаго и благовѣщенскаго приходоу въ оной преображенской церкви

разныхъ чиновъ людей выписано, о томъ по чинамъ значить ниже сего.

		ЧИСЛО		
		Людей		Дворовъ
		Мужчинъ	Женщинъ	
Выписано изъ богородско-владимирскаго прихода, а именно:				
1	Военныхъ	54	58	26
2	Штатскихъ	11	17	6
3	Разночинцевъ	1	2	1
	Мѣщанъ и цеховыхъ	88	90	37
Выписано изъ благовѣщенскаго прихода, а именно:				
1	Военныхъ	31	54	21
	Штатскихъ	28	30	13
3	Разночинцевъ	33	38	17
4	Мѣщанъ и цеховыхъ	66	58	32
5	Поселянъ	3	1	1
	ИТОГО изъ обоихъ приходовъ значится	315	348	154

А за исключеніемъ означенныхъ дворовъ, въ богородско-владимирскомъ приходѣ осталось 248 домовъ; въ нихъ жителей мужескаго—553; женскаго—692; обоего—1245 чело-вѣкъ.

Въ благовѣщенскомъ приходѣ осталось 191 дворъ, въ нихъ жителей мужескаго—617, женскаго—699; обоего пола 1316 чело-вѣкъ“.

Преосвященный Веніаминъ, согласно историческимъ записямъ, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ духовныхъ лицъ своего времени. По окончаніи курса въ С.-Петербургѣ, онъ былъ посланъ для окончанія ученія въ два германскіе университета—въ Іенѣ и Геттингенѣ. Онъ свободно говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Управляя Иркутскую епархію, онъ былъ очень строгъ къ себѣ въ домашней жизни: былъ глубоко религіозенъ, слушалъ каждый день церковную службу; любилъ изъ своихъ рукъ кормить птицъ. Служилъ на иркутской епархіи 2½ года 3 мѣсяца и 28 дней; 12 іюля 1814 года тѣло его погребено въ придѣлѣ Казанской Всѣей Матери въ Благовѣщенскомъ кафедральномъ соборѣ.

Роспись причисленныхъ къ иркутской преобразенной церкви людей получилъ священникъ Петръ Митягинъ и расписался 1798 года сентября 10 числа. Вѣроятно, онъ былъ первымъ священникомъ вновь построенной церкви, которая теперь наиболѣе посѣщается богомольцами, по причинѣ хорошо поставленнаго церковнаго богослуженія.

Д. Хрусталева.

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНИКЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Первымъ печатникомъ въ нашемъ краѣ былъ Михаилъ Петровичъ Петровъ, происходившій изъ „поповскихъ дѣтей“, род. въ 1741 году.

Въ настоящее время въ Иркутскѣ живетъ родной празнукъ (по женской линіи) этого первопечатника, иркутскій мѣщанинъ Федоръ Николаевичъ Шестериковъ, который и доставилъ мнѣ нѣсколько документовъ, заключающихъ въ себѣ небольшія свѣдѣнія о службѣ М. П. Петрова.

Въ документахъ этихъ нѣтъ указаній, гдѣ учился Михаилъ Петровичъ, почему онъ пошелъ не по торной „поповской“ дорогѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сравнительно образованнымъ чело-вѣкомъ.

Первоначальную службу онъ началъ *переплетчи-комъ* въ государственной ревизіонъ-коллегіи съ 24 октяб-

ря 1765 года; черезъ девять лѣтъ перешелъ на службу *печатникомъ* въ книжную типографію при Императорской академіи наукъ. Здѣсь онъ пробылъ только полтора года, „велъ себя хорошо и потому въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не былъ“. Службу печатника М. П. долженъ былъ покинуть потому что „почувствовалъ въ здоровьѣ своемъ великую слабость и потому трудной при типографіи печатнической должности исправлять“ былъ не въ состояніи.

По выходѣ со службы, М. П. почти цѣлый годъ лѣчился; въ общемъ крѣпкая натура переселила закрывшуюся болѣзнь, и 4 октября 1776 г. онъ поступаетъ *батареекомъ* въ горное училище при бергъ-коллегіи; черезъ три года былъ назначенъ исправлять одновременно еще и „тередорщицкую должность“ при той же бергъ-коллегіи, но только въ монетномъ департаментѣ, а въ 1783 году произведенъ въ канцеляристы.

На службѣ въ бергъ-коллегіи М. П. „велъ себя добропорядочно; поведенія честнаго; въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ; должность исправлялъ съ прилежаніемъ“.

Въ 1783 году М. П. былъ приглашенъ сибирскимъ ген.-губернаторомъ П. В. Якобіемъ на службу въ г. Иркутскъ „въ разужденіи предлагаемаго имъ заведенія типографіи“.

Правительствующій Сенатъ поручилъ М. П. „доставить какъ на иркутское намѣстничество, такъ и на колыванскую губернію (учрежд. 6 марта 1783 г.): учрежденія, законы, съ законовъ и уставовъ копіи и отпечатанныя статьи“. Порученіе это онъ исполнилъ „добропорядочно и съ усердіемъ“.

Въ 1784 году М. П. переведенъ былъ въ вѣдѣніе приказа общественного призрѣнія на должность переплетчика съ жалованьемъ въ 200 рублей въ годъ, при чемъ должность свою «исправлялъ съ отміннымъ искусствомъ, обучивъ нѣсколько человекъ, данныхъ ему въ ученіе, знаемому имъ мастерству совершенно, которые уже и распределены по присутственнымъ мѣстамъ настоящими переплетчиками“. Въ вѣдѣніи приказа общественного призрѣнія М. П. былъ до 7 ноября 1789 года. Съ этого времени жалованье свое онъ получалъ: 150 рублей изъ охотскаго губернскаго магистрата, гдѣ онъ номинально занималъ „регистраторскую вакансію“ и 50 рублей изъ олекминской нижней расправы, гдѣ также номинально занималъ „копійскую вакансію“. Такое номинальное занятіе должностей объясняется тѣмъ, что по нимъ было „дѣлъ весьма малое количество“, и что „остающиеся за симъ суммою весьма можно имъ исправиться“. Въ

дѣйствительности же М. П. исполнялъ свою прежнюю обязанность переплетчика „безотговорочно“ какъ по намѣстническому правленію, такъ и по приказу общественнаго призрѣнія.

Комбинація перевода М. П. была вызвана, надо полагать, пошатнувшимся финансовымъ положеніемъ приказа общественнаго призрѣнія. Между тѣмъ, М. П., по словамъ правителя намѣстничества, г.-м. М Арсеньева, былъ „весьма по своему мастерству здѣсь нуженъ“.

Въ доставленныхъ мнѣ документахъ М. П. Петрова имѣются еще два аттестата, выданныхъ ему ген.—отъ ич. Леццано и д. с. с. А. Корниловымъ.

1. „Аттестатъ коллежскому регистратору Михайлѣ Петрову, который во все время управленія моего Высочайше ввѣренною должностію Иркутскаго военнаго губернатора и главнаго по гражданской части, находясь въ канцеляріи моей, велъ себя благопристойно, возлагаемыя на него дѣла исправляя съ надлежащимъ усердіемъ и рязностію; въ воздаяніе чего по рекомендаціи моей предъ правительствующимъ сенатомъ награжденъ и оберъ-офицерскимъ чиномъ, въ чемъ свидѣтельствую. Даю сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати. Въ губернскомъ городѣ Иркутскѣ, Іюля 3 дня 1802 года. Леццано“.

II. „Свидѣтельствую симъ, что находящійся при Иркутской типографіи коллежскій регистраторъ Михайло Петровъ во время управленія моего Иркутскою губерніею оказывалъ директору той типографіи какъ въ устройствѣ оной, такъ и при печатаніи разныхъ по губернскому правительству и палатѣ гражданскаго суда исполненій, усердное вспомошествованіе, велъ себя честно и похвально, почему и заслуживаетъ соотвѣстнаго трудамъ его вознагражденія. Данъ въ Иркутскѣ за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ печати. Іюля 28 дня 1806 года. Алексѣй Корниловъ“.

Умеръ М. П. въ 1827 году и похороненъ на Іерусалимскомъ кладбищѣ близъ часовни, построенной на мѣстѣ старой церкви. На мегилѣ имѣется каменная плита съ соотвѣтствующей надписью, но этотъ надгробный памятникъ значительно „ушелъ въ землю“.

Въ чынѣшнемъ году исполняется 85 лѣтъ со дня смерти М. П., который въ Сибирь поѣхалъ «съ доброй его воли». какъ говоритъ правитель Иркутскаго намѣстничества, М Арсеньевъ.

А. Линьковъ.

ИЗЪ МІРА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЦЕНТРАЛКИ.

Въ Сибири, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ прежнее время была сильно развита литература рукописныхъ стихотвореній. Эта, можно сказать, огромная „поэзія“ могла бы доставить весьма богатый матеріалъ для изслѣдователя бюрократической стороны жизни нашего края. Всякому бо-лѣе или менѣе выдающемуся событію были посвящаемы особыя стихотворенія; напр., извѣстная дуэль Беклеми-лева съ Неклюдовымъ была изложена стихотворно. Я и те-перь еще помню одинъ стихъ: „Пистолеты подмѣнили, и Неклюдова убили... Память вѣчная ему!“

Присоединеніе Амура и, вообще, дѣятельность ген.-губ. Муравьева имѣли свою поэтическую литературу. Стихотворенія читались на обѣдахъ, при встрѣчахъ Муравьева. Нѣкоторыя изъ стихотвореній напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, въ книгѣ Барсукова „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амур-скій“, но большинства, конечно, не псало въ печать. Го-ворять, что при Муравьевѣ дѣлали обыски и у кого нахо-дили стихи—сатиры и пасквили на злободневныя событія, тому глубоко приходилось раскаиваться за свое увлеченіе этой поэзіей. При всемъ этомъ, однако многія событія обще-ственной жизни не забывались мѣстными поэтами.

Въ этой литературѣ были драмы, трагедіи, комедіи, (напр. „Золотая Пшеничка“, въ 4 дѣйствіяхъ, представля-ющая сатиру на извѣстное дѣло города съ гаслядниками Трапезникова), водевили и, наконецъ, стихотворенія, из-ложенныя канцелярскимъ слогомъ и стилемъ (напр., доне-сеніе объ уничтоженіи мышами пяти мѣшковъ хлѣба).

Достать въ настоящее время что-либо изъ этой сибир-ской поэзіи, имѣющей цѣнность, какъ исторической мате-ріалъ, очень трудно, но все-же кое что еще сохранилось. На страницахъ „Сибирскаго Архива“ уже было напечатано нѣсколько стихотвореній—пмфлетовъ. Здѣсь мы помѣщаемъ еще два: одно временъ ген.-губернатора Муравьева, довольно распространенное,—біографія какого-то бурята, а второе, написанное каторжаниномъ лѣтъ 15 тому назадъ, во время пребыванія его въ Александровскомъ централѣ. Конечно, на то ни другое не заключаютъ въ себѣ литературныхъ до-стоинствъ, но какъ образцы тюремнаго творчества имѣютъ свое значеніе.

I.

Моя жизнь.

Мой редился степь хоринска,
Юрта бойлочна росла;
Бачка мой былъ чинь тайшинска, (1)
Царь медаль ему дала.
Былъ я маленха мальчишха,
Съ хуругашкой все игралъ;
Безъ рубашка, безъ штанишха
По улусамъ разбѣгалъ.
А когда побольше сталъ мой,
Бачка въ Кяхта посылалъ,
Чтобъ по мала, мало, мало
Русска грамота я зналъ.
Тамъ граматкамъ, арифметкамъ
Мой училъ годовъ гурбу (2).
Ое-ехъ! Какъ больно палка
Тамъ гулялъ на мой буксу! (3)
А кромя тоя наука,
Многа, многа мой узналъ:
Картамъ дѣлалъ много штука,
Пилъ бина, домой таскалъ.
Какъ кончала мой учење,
Въ русска горницѣ сталъ жить,
Брацкамъ тварямъ „мой почтенье“
На прощанье гобарить.
Да, учился мой не даромъ:
Сталъ я брва молодцемъ,
Къ погранична комиссара
Поступилъ я толмачемъ.
Туть Зинобичъ губернаторъ
Меня въ Пекинъ посылалъ
И въ колежска регистрата
На севату представлялъ.
Настоящимъ русскамъ сталъ мой:
Въ печкамъ сжегъ гутуль-чарлыкъ, (4)
Шляпка на бокъ надѣбалъ мой,

---

(1) Тайша—начальникъ роу

(2) Гурбу—3 года.

(3) Задняя часть тѣла.

(4) Сапоги.

Съ позументамъ боротникъ.
 По французка всяка мода
 Шиль—уфрагъ, жилетъ, пальтомъ;
 А ямань (5)—стара мода
 Спряталъ ящикомъ, замкомъ.
 Покупалъ духа, помада,
 Кольца, перстни на рука,
 Надѣбалъ всегда перчатка,
 Съ тологой (6) стригъ гицыга. (7)
 Бычья почка, да печенка
 Кушать сталь,—не на базаръ:
 Билка, ложка, побарешка,—
 Все завелъ урусъ-зангаръ. (8)
 Дѣлалъ маленька пирушка,
 Вся начальства угощаль.
 Вотъ однажды кутухтушка,
 Мой начальника, сказалъ:
 „Хошь креститца въ русска вѣра,
 Шигауги (9) гашъ дубинь,
 Будешъ брва офицера“,—
 Отвѣчалъ мой дзенань.
 Торгобалъ себѣ повозка,
 Тепла шарфъ, унты (10), доха,
 И зимой дорогъ замсрєка
 На Прзутскъ де охеча. (11)
 Тамъ ходилъ мой къ архирея.
 Его ручка цѣлобалъ;
 Тута разна арицея (12)
 Пресвященна миѣ шепталъ.
 Самобо я Муравьева
 Крестнымъ бачка попросилъ:
 Многа ласк.бова слова
 Грапъ за то миѣ гобарилъ.
 Всяка сладка угощель:
 Въ кухнѣ миѣ белѣлъ дабаты.

-
- (5) Яманъ—козелъ.
 (6) Голова.
 (7) Волосы.
 (8) По русскому обычаю
 (9) ?
 (10) Обувь.
 (11) ?
 (12) Рѣчь.

Через недѣля былъ хрещенья:
 Михулай я стала звать.
 Шишамрева, стара куха, (13)
 Я дабно, дабно знабалъ;
 Какъ хрестился, эта штука
 Тотчасъ замужь забиралъ.
 Да, теперь советѣмъ мой русска;
 Только бидомъ не такой:
 Носъ широка, глаза узка,
 Кожа черна, ногъ крибой...

II.

Александровскій централъ.

Далеко въ странѣ суровой,
 Межь хребтовъ, лѣсистыхъ горъ,
 Обнесень стѣной высокой
 Чисто выметенный дворъ.
 На переднемъ же фасадѣ
 Двухъэтажный домъ стоитъ,
 А за нимъ тѣлой же сзади,
 Сдинакевий на видъ.
 Пешерекъ они стѣнами
 Въ одинъ корпусъ сведены.
 И громадностью своею
 Удивляютъ всехъ они.
 Двухъэтажный этотъ корпусъ,
 На дорогу онъ лицомъ,
 Мраченъ видъ его, печаленъ,
 Но съ параднымъ онъ крыльцомъ.
 Надъ крыльцомъ полудугою
 Большая вѣтвѣска блеститъ,
 А надъ ней срезь двухъглавый,
 Раззолоченный, стоитъ.
 На верху съ лѣшетою будка
 И флачекъ на ней виситъ.
 Изъ за горъ проекикувъ, вѣтеръ
 Флачекъ тихо шевелитъ.
 Предъ крыльцомъ на фронтѣ ходить
 Постоянно часовой,
 Отъ дверей онъ глазъ не сводитъ:
 Съ чѣмъ пройдутъ и кто такой?

(13) Кухарка.

Чистота вокругъ такая,
Что соринки не найдемъ.

„Подметаль“ тамъ постоянно
Человѣкъ десять начтемъ.

По дорогѣ ѣхаль тройкой
Господинъ, что-ли какой;
Поравнявшись съ подметалой,
Крикнулъ кучеру: „постой“!

— Подойди сюда, голубчикъ!—

Подметаль говорить.

Снявши шапку, подметала
Съ метлой къ барину спѣшить.

— Расскажи ты мнѣ подробно,

Чей же домъ это стоитъ?

И владѣльца сего дома

Какъ фамилія гремитъ?

— Это, баринъ; домъ казенный—

Александровскій Централь;

Вотъ и я второе лѣто,

Какъ сюда въ него попалъ.

Въ немъ сидятъ народу много,

Больше тысячи всегда;

Видишь, въ окна сквозь рѣшетки

Сколько смотритъ ихъ сюда.

И проѣзжій поднималъ шляпу,

Устремивъ на окна взоръ;

И онъ въ узникахъ тутъ встрѣтилъ

Унизительный позоръ:

Всѣи правы у нихъ бриты,

Исхудалые, какъ тѣнь,

„Вѣрно, жизнь ихъ тамъ несносна,

За годъ кажется имъ день“

Слышенъ звонъ цѣпей тяжелыхъ,

Онъ изъ оконъ долеталъ.

„Вѣрно, скованы бѣдняжки“...

Путникъ тихо прошепталъ.

— Да за что-жь васъ такъ караютъ?

Расскажи подробно мнѣ.

— Всѣхъ вѣдь трудно, баринъ, помнить,

Кто за что сидитъ въ тюрьмѣ.

За поддѣлку есть монеты,

За кредитные билеты.

За отлучку съ волостей,
Много всякихъ тутъ людей!
За непомнящихъ судились,—
Они присланы сюда;
Хоть и помнятъ, гдѣ родились,
Да и тамъ у нихъ бѣда.
За побѣгъ: есть въ Россію,
Есть тутъ всяки штукарѣ,
Человѣкъ до двухъ сотъ будеть.
Что пришли за сухарѣ.
Не понялъ проѣзжій слова,
— Ну, еще мнѣ повтори!
Разскажи это яснѣе,
За какіе сухарѣ?
— Прoberеть дорогою голодъ,
Когда мы сюда идемъ:
Хлѣбъ тамъ очень, баринъ, дорогъ,
Да и сытности нѣтъ въ немъ.
Если-бъ хлѣбъ былъ здѣсь россійскій,
И цѣна бы не така;
Тогда намъ бы доставало
Кормовыхъ два пятака.
Вотъ и смотреть, кто голодный
Сутки двоѣ ужъ сидитъ,
Кто на лѣхъ глазами водитъ
И безсмысленно глядитъ.
Тутъ ему и предлагаютъ
Котелокъ горячихъ щей,
Передъ нимъ поставитъ чаю
И мѣшочекъ сухарей.
Ну, землякъ! Вѣтъ если хочешь,
Получай все отъ меня:
Я пойду на поселенье,
Ты въ рабству за мѣсяцъ.
И бѣдняга согласится:
Онъ не ѣлъ на этихъ дняхъ,
Лѣтъ на двадцать онъ рѣшится
Идти въ каторгу въ цѣняхъ.
Много есть, что и неясно
Нашихъ сослано сюда:
Вѣрно, какъ-нибудь ошибкой
Отъ окружнаго суда.
— Есть начальство тутъ надъ вами?
Опять баринъ вопрошалъ.

— Какъ-же, сударь!—Есть смотритель.

Бѣрно, Богъ его послалъ.

Слѣ порядку очень знать,

Обижать не любить насъ,

Надзиратель чтобъ не трогалъ,—

Такъй отдадъ слѣ приказъ.

Раньше былъ другой смотритель,

Тотъ порядку вотъ не зналъ.

Былъ суровъ, жестокъ и важенъ,

И безъ толку всѣхъ насъ дралъ.

У смотрителя—помощникъ,

Тоже славный человекъ,

Зла не дѣлаеть онъ тоже,

Хоть сиди тутъ цѣлый вѣкъ.

Какъ придетъ въ тюрьму порою,

Мы обступимъ всѣ его,

Каждый съ просьбой къ нему лѣзеть,

Самъ не знаетъ, для чего.

И онъ каждаго запишетъ

А потомъ назадъ пойдетъ;

Только выйдеть за ворота

И всѣхъ сразу зачеркнетъ.

Есть священникъ, также церковъ,

Вонъ надъ нею крестъ стоитъ,

Украшеньемъ небогата:

Три лампы въ ней висеть.

Каждый праздникъ идетъ служба,

Въ глухой колъколь звонять,

Хоть молиться-бъ намъ и надо,

Да другимъ каждый занять.

Надзиратель есть здѣсь старшій,

Добръ бываетъ иногда,

Чего только не попросишь,

Не получишь никогда.

— Ну, спасибо, мой голубчикъ;

Вотъ тебѣ за твоей рассказъ:

Даль рублевку подметалъ

И отправился тотчасъ.

Тройка съ пылью покатила,

Подметала все стоялъ.

— Не пойдеть ли еще кто:

Я бы больше рассказалъ....

ИЗЪ БЫТА И ПРАВОВЪ СИБИРИ XVIII ВѢКА.

Событія вѣшней и внутренней жизни Россіи, непосредственно слѣдовавшія за покореніемъ Сибири, открывали передъ русскимъ правительствомъ новыя задачи и выдвигали новыя заботы. Вниманіе правящихъ сферъ только веколѣзь обращалось на вновь присоединенную громадную, неизвѣстную область. Сибири не знали, ею не интересовались, она была въ забвеніи.

Причиной такого отношенія къ Сибири были, во-первыхъ, отдаленность ея отъ центра, невѣжественное, въ громадпомъ большинствѣ инородческое, населеніе и отсутствіе сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія. Поэтому Сибирь была предоставлена попеченію мѣстныхъ властей. До 1708 г., до учрежденія Сибирской губерніи, общее управленіе Сибирью лежало на сибирскомъ приказѣ, находившемся въ Москвѣ, а ближайшее управленіе краемъ находилось въ рукахъ тобольскихъ воеводъ. Въ первыя 50 л. управленіе Сибирью не представляло большихъ затрудненій, но со второй половины XVII вѣка замѣтна значительная прибыль населенія, и управленіе Сибирью стало усложняться. Заселеніе происходило весьма успѣшно и шло слѣдующими путями: принятіемъ русскаго подданства разными азіатскими племенами, бѣглыми изъ Европейской Россіи, ссыльными. Количество бѣглыхъ было такъ велико, что въ 1673 г. учреждены заставы «у Перміи Великой и у Соли Камской границы» для непропуска въ Сибирь пѣшихъ и конныхъ людей безъ проѣзжихъ государевыхъ грамотъ. Съ этого-же времени Сибирь стала усваивать характеръ страны, пригодной специально для ссылки: край былъ пустыненъ, бѣденъ, непривѣтливъ. Ссылались въ Сибирь не потому, что люди, попавшіе туда, дѣлались безопасными по вліянію, вслѣдствіе большой отдаленности отъ столицы, а главнымъ образомъ потому, что жизнь въ Сибири была крайне тяжела и являлась бременемъ, равносильнымъ самымъ сильнымъ наказаніямъ. Послѣ строгихъ указовъ 1685 г. противъ старообрядцевъ началось движеніе ихъ въ Сибирь, равно какъ и введенный въ началѣ XVIII в. рекрутскій наборъ двинулъ за Уралъ большую волну бѣглыхъ. Ликвидация стрѣлецкаго бунта дала Сибири нѣсколько тысячъ невельныхъ переселенцевъ. Максимовъ, авторъ книги «Сибирь и каторга» пишетъ: «Сибирь стрѣльцовъ не смиряла; затѣвались попытки соединиться всѣмъ ссыльнымъ

полкамъ и идти въ Москву. За это ихъ небольшими группами разослали по самымъ отдаленнымъ острогамъ и зимовьямъ. Тамъ они сбивались въ шайки, грабили караваны и обозы торговыхъ людей. При Петрѣ Великомъ Сибирь получила стрѣльцовъ въ такомъ большомъ количествѣ, подобнаго которому Сибирь ни до того, ни послѣ того не видала: не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ: Андырскій, Колымскій, Охотскій, Балаганскій, Тункинскій». Въ 1719 г. изъ всего сибирскаго населенія 36,75% было пришлагаго элемента: ссыльныхъ, сбѣглыхъ и очень незначительное количество переселенцевъ-добровольцевъ. Пришельцы пользовались беззащитностью туземцевъ, немилосердно обирали ихъ, чинили разныя насилія и съ 1-хъ же шаговъ озлобляли противъ себя коренное население. Вообще, положеніе населенія во всей Сибири было незавидное. Въ западной части масса бѣглыхъ и ссыльныхъ тѣнила коренныхъ жителей: въ восточной—громадная отдаленность отъ центральной власти способствовала развитію самодурства и вѣводу. Тяжести тогдашняго положенія крестьянъ, обуславливавшагося множествомъ и разнообразіемъ повинностей, опасеніями нападений разбойничьихъ шайкъ, а также башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, отсутствіемъ всякаго умственного образованія, вызвали у сибиряковъ наклонности къ ересямъ и, между прочимъ, къ самоожженію, какъ протесту противъ тягости ихъ общественнаго положенія.

Общую картину нравственнаго состоянія сибирскаго общества за Елизаветинскій періодъ Щегловъ описываетъ такъ: «въ самомъ передовомъ тогдашнемъ городѣ Тобольскѣ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, тобольскій митрополитъ Павелъ Конюшковичъ не вѣрилъ въ движеніе земли вокругъ солнца, и всѣ старанія астронома Шанна убѣдить его оставались тщетными.

Тоболитчи вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ смотрѣли на Шанна съ его инструментами, какъ на волшебника, думая, что его прибытіе въ Сибирь было причиною сильнаго разливa Иртыша и что рѣка снова войдетъ въ свои берега, какъ только уѣдетъ Шаншъ».

До конца XVIII вѣка въ Сибири вовсе не было людей образованныхъ, даже въ тогдашнемъ значеніи этого слова. Лишь въ концѣ столѣтія начали встрѣчаться такіе люди между забѣжными изъ Россіи начальниками края. Такъ, тобольскій губернаторъ Пушкинъ былъ, по словамъ Шанна,

«человѣкомъ чуждымъ варварскихъ предразсудковъ своего народа»; онъ привезъ съ собою въ Тобольскъ библіотеку, составленную изъ произведеній лучшихъ французскихъ писателей. Кличко завелъ въ Иркутскѣ тоже библіотеку, въ которой были сочиненія французскихъ энциклопедистовъ. Впрочемъ, книги въ ней ни кѣмъ не брались. Въ это же время пріѣзжіе изъ Россіи ученые архіереи и монахи начинаютъ упражняться уже въ духовномъ краснорѣчьи; при празднованіи двухсотлѣтія покоренія Сибири произнесена была проповѣдь, которая начиналась словами: «о, счастливая Сибирь, ты съ удовольствіемъ вкушаешь отъ тука шенична российскихъ законовъ и всѣ твои народы блаженною надеждою вѣчности неотъемлемо увеселяются!»

Въ 1782 г. было учреждено тобольское намѣстничество, а празднованіе по этому случаю отличалось особенною торжественностью. Къ этому торжеству были вызваны въ Тобольскъ ханъ срдней киргизской орды съ султанами, вогульскіе родоначальники и обдорскій князь «съ другими остяцкими князьями». Въ залѣ намѣстническаго дворца былъ поставленъ тронъ на подобіе царскаго, а около трона стояли представители разныхъ народностей. Послѣ молебна и проповѣди, началось чтеніе наныщеней оды, написанной специально на этотъ случай.

Дщерь Азіи, богато надѣлена!

По статнымъ и дороднымъ раменамъ—

Брововою порфирой облеченна,

Съ собольими хвостами по грудямъ;

Царевна, серебряный вѣнецъ носяща

И пестрой насыпью камней блестяща,

Славянь наперстница, ордѣ грозныхъ мать,

Сибирь, тебя мнѣ любо вспоминать!»

Празднество закончилось большимъ пиромъ какъ для людей «большого свѣта», такъ и для простого народа, для котораго въ разныхъ мѣстахъ города были выставлены цѣлые зажаренные быки, съ рогами и со вложенными внутрь быковъ разными кушаньями. Тутъ же стояли бочки съ виномъ и пивомъ для безпрепятственнаго и безплатнаго пользованія. Веселіе закончилось только на 5—6 день, и уголовная хроника Тобольска за это время обогатилась новыми происшествіями, рѣдкими даже въ ту пору, когда жизнь обывателя ни во что не ставилась:

Начали появляться и проповѣди, имѣвшія часто мѣстное значеніе; ученые монахи, а иногда и учителя се-

мгнариі не разъ въ это время нападали съ церковной каедрѣ на пороки и злоупотребленія, тогдашней администраціи. Извѣстный историкъ Сибири Словцовъ за такую проповѣдь былъ даже увезенъ изъ Тобольска подъ конвоемъ. Въ то же время губернаторы начали писать разныя книжки о Сибири, какъ наприм., Соимоновъ, Семи-рскій, Корниловъ, Пестовъ. И нужно замѣтить, что до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка сибирскіе губернаторы занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о Сибири.

Самые образованные изъ сибиряковъ писали въ то время только хроники, которыя, по замѣчанію историка Сибири Фишера, «болѣе упражняются въ повѣствованіи о чудесахъ, нежели въ разсужденіи о дѣлахъ человѣческихъ». За одно только то, что читаешь книгу или сочи-няешь что-нибудь, конечно, совершенно невинное, въ старинной Сибири можно было поплатиться ссызкой. *Грамотный* въ то время былъ синонимомъ *ябедника.* Князь Гагаринъ, напр., хотѣлъ сослать на Ледовитое море одного плѣннаго шведа за то, что онъ вздумалъ составить географическую карту Сибири. Въ концѣ XVIII в. въ Тобольскѣ издается даже литературный журналъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену». И этотъ журналъ и вся тогдашняя сибирская письменность служили только средствомъ для пріятнаго препровожденія времени и почти не оказывали просвѣтительнаго вліянія. Тогдашніе авторы не обращали вовсе никакого вниманія на окружающую ихъ дѣйствительность, и лишь изрѣдка вниманіе ихъ возбуждалось грозными естественными явленіями. Въ 1784 г. въ Тобольскѣ кореннымъ сибирякомъ была сочинена ода о наводненіи, въ концѣ которой поэтъ объяснялъ, что—

Стихи сіи для той написаны причины,

Чтобъ водной сей разливъ всякъ помнилъ до кончины!

Иногда, впрочемъ, обстоятельства заставляли сочинителей коснуться общественныхъ условій сибирской жизни, и они тогда начинали искусственно восторгаться ею, восклицая—

Хоть населяютъ разныя орды

Хребтовъ и горъ сибирскихъ скаты горды,

Но отъ Туры до острова Ильи

Живутъ они, какъ дѣти мирныя семьи.

Невѣжество сибирскаго населенія было послѣдствіемъ недостатка соотвѣтствующихъ образовательныхъ средствъ. Въ допетровской Сибири школъ совсѣмъ не

было. Указъ Петра Великаго о заведеніи духовныхъ, «навигацкихъ» и другихъ школъ долго не приводился въ Сибири въ исполненіе какъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, такъ и по нерасположенію къ этому дѣлу начальства и общества. При Петрѣ митрополитъ Филофей Лещинскій основалъ въ Тобольскѣ духовную школу, но принужденъ былъ «поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ ребятокъ набирать въ нее съ понужденіемъ». Въ тоже время епископъ Иннокентій первый открылъ школу въ Иркутскѣ; но она прекратила существованіе при его преемникѣ Варлаамѣ. Епископъ Иннокентій второй возобновилъ эту школу, силою набралъ въ нее около 60 мальчиковъ, и ученіе началось. Содержаніе на школу шло съ монастырей въ самомъ ограниченномъ количествѣ—по 2 пуда муки, по 5 ф. крупы, по 2 ф. соли и по 10 алтынъ на одежду въ мѣсяцъ на всѣхъ учениковъ. Жалованье и пищу учителя получали изъ личныхъ средствъ епископа Иннокентія. Послѣ его смерти школа въ 1746 г. закрылась и возобновилась только черезъ 34 г. Также непрочно было положеніе Тобольской дух. семинаріи, открытой въ 1744 г. Въ эту школу, въ силу ея отдаленности, не могли поступать дѣти изъ округовъ Иркутскаго, Забайкальскаго, Енисейскаго, Томскаго. Возить ихъ въ Тобольскъ родители не имѣли средствъ, и дѣти оставались неграмотными. Въ тотъ же 1744 г. митрополитъ Антоній открылъ школу въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, куда принимались лица изъ мѣстнаго духовенства, которыя не имѣли средствъ отправиться въ Тобольскъ. Учителями въ эту школу велѣно было опредѣлить «иеромонаха, или изъ свѣтскихъ, кого пристойно, и содержать ихъ на монастырскомъ пропитаніи, а которыя имѣютъ отцовъ, то отцамъ самимъ снабжать ихъ одеждою и книгами».

Въ эту школу было принято 30 дѣтей, изъ которыхъ одному было 73 года, четыремъ свыше 40 л., четыремъ свыше 30, пяти по 20 слишкомъ, остальнымъ отъ 16 до 7 лѣтъ, и всѣ они проходили одинъ и тотъ-же учебный курсъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ школы встрѣчали энергичное противодѣйствіе со стороны начальства, которое видѣло въ нихъ рассадники ябедничества. Въ половинѣ XVIII в. камчатское духовенство основало 12 школъ, въ которыхъ училось 239 мальчиковъ. Въ 1764 г. Сенатъ освободилъ этихъ учениковъ отъ платежа по-

датеи и велѣлъ снабжать ихъ казенною одеждою, обувью, пищею. Но самовластные правители Камчатки—Извъиловъ, Хмѣтевскій и Белъ закрывали, на зло духовенству, одну школу за другою, и въ 1779 г. осталось только 4 школы съ 40 учениками. Слѣдующій начальник Камчатки, Рейнеке, закрылъ всѣ остальные школы, и вопреки указу Сената, заставилъ учениковъ платить подати. Школы, заведенныя духовенствомъ, исчезли и веовъ возникнуть уже не могли, потому что въ тогданнемъ обществѣ не было никакого стремленія къ образованію. Нѣкоторыя инородческія племена стояли въ этомъ отношеніи гораздо выше русскаго населенія сибирскихъ городовъ. Якуты въ XVIII в. просили русское правительство открыть у нихъ школы; якутская духовная семинарія открыта также по настойчивой просьбѣ якутовъ; а сибиряки—русскіе въ это время не только не хлопотали объ открытіи школы, но даже отказывались отъ предложенія учредить ихъ. Такъ поступили жители Енисейска, одного изъ лучшихъ сибирскихъ городовъ. Въ половинѣ XVIII в. подрастающее поколѣніе Енисейска или обучалось обманомъ, или просто посылалось родителями на улицу за милостыней. На весь енисейскій и красноярскій край была тогда всего одна школа въ Енисейскѣ, въ которой обучалось грамотѣ нѣсколько ребятъ, назначенныхъ родителями въ приказные, а учителемъ былъ отставной унтеръ-офицеръ. Когда Степанъ Самойловъ, избранный депутатомъ отъ Енисейска въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія, предложилъ обывателямъ просить черезъ него въ комиссію объ отъѣзѣ въ Енисейскѣ аптеки и школы и о приглашеніи лѣкаря, то они заявили, что считаютъ это „совершенно излишнею роскошью». «И сіе пужно отнести только къ одному ихъ невѣжеству,»—замѣчаетъ Самойловъ.

Даже само взрослое молодое поколѣніе не имѣло никакого желанія учиться. Въ 1760 г. командиръ сибирскихъ войскъ, генералъ Веймарнъ разослалъ по командамъ циркуляръ о томъ, что есть молодые люди, «читать и писать гораздо умѣющіе и часть ариѳметики знающіе изъ офицерскихъ дѣтей, и кто къ такой нуждѣ охотники окажутся, то выбравъ, сколько таковыхъ найдетея, прислать въ онную крѣпость при рапортахъ немедленно, которые тамъ инженерными офицерами обучаемы быть имѣютъ». Объ этомъ были извѣщены всѣ команды; но «читать и писать гораздо умѣющихъ и часть ариѳметики

знающих и желающих къ этой наукѣ» никого не оказалося. Только въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. усилиями правительства создаются школы: навигацкая въ Иркутскѣ, горная въ Барнаулѣ, наконецъ, Иркутская гимназія. Ученики этихъ школъ смотрѣли на учителей, какъ на враговъ, и не упустили случая избавиться отъ нихъ бѣгствомъ. Бѣгство школьниковъ иногда принимало даже массовой характеръ. Случалось часто, что мальчики, бѣжавъ изъ школы, зимой уходили изъ Иркутска въ Верхнеудинскъ, Верхоленскъ, Енисейскъ. Иногда школьники бѣгали цѣлыми артелями, воровали лодку и ушливали по рѣкѣ въ какое-нибудь отдаленное знакомое селеніе, или шли въ недалекие отъ города лѣса: жили тамъ все лѣто въ пещерѣ или землянкѣ, питаясь ягодами и рыбой или попрошайничествомъ. Но недолго наслаждались свободой эти случайные пустынноики: ихъ выгоняли къ начальству морозъ и голодъ; доставляя къ родителямъ и земская полиція. За кратковременную свободу въ лѣсу мальчуганы платились своей спиной. Тѣлесныя наказанія, особенно въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, граничили нерѣдко съ жестокостью. Мальчиковъ сѣкли постоянно, иногда давали по 1000 розогъ, отъ которыхъ дѣти тотчасъ же умирали. Наказанія школьниковъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ производились публично, какъ напр., въ Иркутской духовной семинаріи. Домъ этой семинаріи стоялъ на большомъ дворѣ, ворота котораго всегда были открыты и все пространство двора можно было видѣть съ улицы. Еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія семинаристовъ сѣкли публично на этомъ дворѣ и въ продолженіе наказанія звонилъ набатный колоколъ, висѣвшій подъ крышей семинарскаго зданія. Публика собиралась на это зрѣлище въ большомъ количествѣ и смотрѣла на него съ полнымъ удовольствіемъ.

Въ Иркутскомъ географическомъ музеѣ хранится интересный предметъ: это желѣзная *рогатка*, которая надѣвалась на школьниковъ, чтобы они въ извѣстное время, напр. отъ наказанія не убѣгали изъ учебнаго заведенія. Рогатка надѣвалась на шею и здѣсь запералась замкомъ; отъ шейнаго обруча шли два рога, которые заканчивались колокольчиками. Рога настолько возвышались, что до колокольчиковъ было нельзя достать рукой. Само собой понятно, что въ рогаткѣ не побѣжишь...

Знаменитый изслѣдователь Сибири Палласъ писалъ въ своемъ дневникѣ, что кромѣ Томска «ни единого мѣста не видалъ такого, въ которомъ были бы въ такой степени распространены развратъ и французская бѣлѣзнь; на нихъ жалуются и въ другихъ сибирскихъ городахъ, и они вмѣстѣ съ пьянствомъ служатъ ужаснымъ бѣдствіемъ для населенія этой страны». Пьянство въ старинной Сибири было всеобщимъ порокомъ и имѣло самыя огромныя размѣры. Пили всѣ: старые и молодые, женщины и дѣти. Вина было много, и русскіе колонисты считали кабакъ необходимою принадлежностью каждаго селенія. Воезоды, несмотря на строгія запрещенія правительства, сами гнали водку и торговали ею, въ подрывъ казенной продажѣ. Гдѣ не было хлѣбнаго вина, какъ наприм., на Камчаткѣ, тамъ гнали вино изъ травъ. Палласъ свидѣтельствуетъ о непрерывномъ пьянствѣ Кяхты и Иркутска. И не только европейскихъ путешественниковъ, но даже сосѣдей азіатцевъ, возмущало это безмѣрное пьянство сибиряковъ. Въ XVIII в. сибирскіе купцы, торговавшіе съ Джунгарскимъ ханствомъ, забравшись туда, часто пропивали и проигрывали всѣ свои товары «и пьянствовали тамъ и другія непотребныя дѣла чинили». Въ то-же время китайцы жаловались на безобразное пьянство русскихъ купцовъ, и однажды даже запретили имъ въѣзжать въ Китай, «ради ихъ безмѣрнаго пьянства».

Китайцевъ также сильно беспокоило въ XVIII вѣкѣ пьянство пекинскихъ миссіонеросъ, проматывавшихъ и свое жалованье, и церковную казну и наносившихъ китайцамъ жестокія обиды. Одинъ изъ нихъ, дяконъ Филимоновъ, затесался однажды даже въ дворецъ богдыхана и поколотилъ тамъ китайскихъ мандариновъ. Онъ былъ закованъ китайцами въ кандалы, высланъ въ Селенгинскъ, а оттуда въ Иркутскъ, гдѣ потѣшалъ обывателей разсказами о своихъ пьяныхъ похожденияхъ.

На ряду съ этимъ и семейная жизнь потеряла прежнюю цѣльность и чистоту. Первые завоеватели, пришедшіе съ Ермакомъ, отличались особенною строгостью нравовъ. У нихъ было строжайшимъ образомъ запрещено прелюбодѣяніе; виновнаго въ нарушеніи супружеской вѣрности сажали въ оковы на 3 дня, потомъ его обмывали отъ грѣха при собраніи всѣхъ его товарищей, наваливали пескомъ все его платье и ставили по горло въ воду. Но эти нравы еще при жизни Ермака начали переходить

въ противоположную крайность. Число женщинъ въ прежней Сибири было очень невелико сравнительно съ числомъ мужчинъ. Желая, по возможности, пополнить недостатокъ женщинъ въ Сибири, правительство иногда посылало ихъ туда, набирая изъ падшихъ женщинъ или преступницъ; такъ наприм., въ 1630 г. по указу препровождено въ Сибирь 150 дѣвицъ, набранныхъ въ Тотмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ. Такая посылка продолжалась даже въ половинѣ XVIII вѣка. Такъ, въ 1759 г. было опредѣлено послать на сибирскую линію годныхъ для замужества ссыльныхъ женщинъ. Сибирская губернская канцелярія предписала тарской воеводской канцеляріи «посланныхъ для распредѣленія на поселеніе присланныхъ женокъ собрать, самимъ воеводѣ и управителю первоначально учинить имъ осмотръ и годныхъ для замужества отравить въ Омскъ къ бригадирю Фрауендорфу». У первыхъ колонистовъ было чрезвычайное многоженство. Часто отцы семействъ продавали, закладывали или за кабалли своихъ женъ, дочерей или другихъ родственницъ. Распространенъ былъ даже возмутительный обычай отдачи своихъ женъ «въ кортомъ». Если мужу нужны были деньги, а жену онъ могъ замѣнить другою, если онъ убѣждалъ на время въ Россію или отправлялся въ отдаленный походъ, то онъ оставляетъ желающему свою жену съ тѣмъ, чтобы тотъ за 10—20 руб. пользовался всѣми правами мужа и возвратилъ бы ее въ опредѣленное время.

Факты продажи женъ часто встрѣчаются даже въ актахъ XVIII в. Такъ, въ 1742 г. крестьянинъ Верхо-Томскаго Острого Красисяровъ, разъѣзжавшій для торговли по разнымъ мѣстамъ вмѣстѣ со своею женою, вернулся домой безъ жены; оказалось, что онъ продалъ ее кому то въ деревнѣ Усевой.

Взглядъ на женщину, какъ на вещь, держался въ Сибири, въ особенности въ отдаленныхъ и глухихъ ея углахъ, почти до самаго XIX вѣка. Происхожденіе такого взгляда, естественно, нужно видѣть въ слабости правосознанія тогдашняго населенія, въ отсутствіи гарантій человѣческой личности, а главное, въ полномъ невѣжествѣ жителей Сибири. Невѣжествомъ же только и объясняется существованіе въ народѣ суевѣрій, которыми разсматриваемая эпоха была такъ богата.

Высокія горы съ ихъ снѣговыми вершинами, частыя землетрясенія, громадныя рѣки и степи, Восточный оке-

ать и Ледовитое море съ его снѣжными ураганами, льдами и полярнымъ сліяніемъ; такое величественное и грозное озеро, какъ Байкаль—все это, вмѣстѣ взятое, съ перваго раза поразило воображеніе пришельца, явившагося изъ однообразныхъ случныхъ равнинъ Европейской Россіи. Еще болѣе удаленный, чѣмъ великорусскъ, отъ вліянія европейской мысли житель Сибири свято хранилъ принесенныя имъ изъ метрополи суевѣрія. Сибирякъ не только сохранилъ, но и создалъ новыя. Онъ въ этомъ отношеніи опустился ниже великорусса и отчасти сдѣлался такимъ же фетишистомъ, какъ и покоренный имъ азіатецъ. Нигдѣ на медвѣдя не смотрѣли съ такимъ страхомъ и уваженіемъ, какъ въ Сибири, про его умъ и хитрость рассказывалось тысячи анекдотовъ.

Его считали человѣкомъ, обращеннымъ въ звѣря. Въ сентябрѣ 1732 г. въ Иркутскѣ забѣжалъ огромный медвѣдь. Онъ прогулялся по всему городу, и послѣ того долго проживалъ въ окрестномъ лѣсу, наводя страхъ на горские табуны. Медвѣдя никто изъ иркутянъ не рѣшился застрѣлить, считая его оборотнемъ, а его прогулка по Иркутску была сочтена предвѣстіемъ смерти вице-губернатора Жолобова.

Таракановъ въ Сибири долго не было; они стали распространяться по ней въ XVIII в. черезъ южную границу Западной Сибири изъ средней Азіи и черезъ Кяхту изъ Китая. Они распространялись посредствомъ геревозимыхъ изъ мѣста на мѣсто вещей, по городамъ же и селамъ путешествовали сами изъ дома въ домъ. Частые пожары и эти переходы таракановъ изъ дома въ домъ породили въ тогдашней Сибири вѣрованіе, что тараканы одарены замѣчательнымъ предчувствіемъ, и лишь только зачуютъ въ извѣстномъ домѣ пожаръ, тотчасъ переселяются изъ него въ другой.

Помимо суевѣрія, крупной чертой міровоззрѣнія тогдашняго сибиряка было презрѣніе его къ другимъ народамъ и въ особенности къ западно-европейцамъ. Во время великой сѣверной войны въ Сибирь было сослано много шведскихъ плѣнниковъ, но ни одна сибирячка не хотѣла идти замужъ «за поганого обливанца». Правительство, желавшее поселить шведовъ въ Сибирь, принуждено было разъяснить посредствомъ Синода, что бракъ со шведами вовсе безгрѣшенъ и шведъ не можетъ опоганить православной женщины. Положеніе этихъ плѣнниковъ было во всѣхъ отношеніяхъ жалкое. Въ 1714 г. жившіе въ

Томскѣ жаловались, что ихъ обыватели выгоняютъ съ квартиръ, выбрасываютъ на улицу ихъ пожитки, осыпаютъ бранью; что у начальства они не находятъ никакой защиты, а встрѣчаютъ только брань и даже пощечины.

Низкій умственный уровень сибирскаго населенія того времени заставлялъ и само правительство смотрѣть на него, какъ на дикарей, не говоря уже о пріѣзжихъ иностранцахъ. Тѣ поражались некультурностью жителей, ихъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ и сравнивали жизнь въ Сибири съ адомъ. Центральное правительство, озабоченное необходимостью реформирования системы управления Россіи, согласно съ потребностями времени и пользуясь западно-европейскимъ примѣромъ, стремилась ввести живую струю въ общественныя отношенія. Но большая часть нововведеній Сибири не касалась, такъ какъ правительство считало ее къ нимъ неподготовленной. Въ 1701 г., напримѣръ, въ сибирскихъ городахъ, включая и Забайкалье, былъ полученъ указъ о ношеніи нѣмецкаго платья, обуви и объ употребленіи въ верховой ѣздѣ нѣмецкихъ сѣделъ. Въ 1706 г. указъ этотъ былъ отмѣненъ «для того, что посланы тѣ Наши Великаго Государя грамоты, не справясь съ Нашимъ Великаго Государя указомъ». Петръ В. самъ призналъ невозможность введенія въ Сибири одежды нѣмецкаго покроя, т. е. населеніе ни за что не хотѣло промѣнять свою одежду на «дьявольское одѣяніе», какъ оно называло платье нѣмецкаго покроя. На ряду съ этимъ, другой указъ Петра В. о бритвѣ усовъ и бороды, изданный 11 янв. 1715 г., выполненъ въ точности, быть можетъ, потому, что за невыполненіе его бралась пошлина: 100 руб. съ торговыхъ и посадскихъ людей и 30 руб. съ прочихъ городскихъ жителей. Тѣ, кто уплачивали пошлину, получали знаки, установленные специально для этого, которые высылались въ сибирскіе города изъ Москвы.

Петръ Великій обратилъ вниманіе на Сибирь, какъ на край, наименѣе устроенный и нуждавшійся въ неотложныхъ реформахъ, однако, все его стремленія, клонившіяся къ благоустройству Сибири, приводились въ исполненіе лицами или несочувствующими, или непонимающими пользы ихъ и долгое время не достигали ожидаемыхъ результатовъ. Учрежденіе Петромъ В. сибирской канцеляріи облегчало центральному правительству веденіе сибирскихъ дѣлъ, но мало улучшало положеніе самихъ сибирскихъ дѣлъ въ огромномъ краѣ. Давъ губер-

наторамъ, большія полномочія съ цѣлью облегчить свой трудъ по управленію Россіей и разчитывая на безошибочность своего выбора, Петръ В. этимъ самымъ способствовалъ развитію превышенія власти тогдашнихъ губернаторовъ. Съ особенною силою должно было это сказаться въ отношеніи сибирской губерніи, какъ отдаленной отъ правительственнаго центра, а, стало быть, и отъ контроля. Подтвержденіе того, что дарованіе тогдашнимъ сибирскимъ губернаторамъ большихъ полномочій имѣло свои отрицательныя стороны, служить то обстоятельство, что въ Тобольскѣ долго и упорно въ народѣ держалось убѣжденіе, будто первый сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ замышлялъ отдѣлиться отъ Россіи и образовать отдѣльное Сибирское государство. А иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ «за разные законопротивные поступки» былъ преданъ суду. Ему вмѣнялось въ вину: казначеніе за взятку легкаго наказанія нерчинскимъ обывателямъ М. Бѣлокопытову и А. Судейкину, обвинявшимся въ важныхъ преступленіяхъ, ложное обвиненіе въ важныхъ преступленіяхъ сибирскаго губернатора тайнаго совѣтника Плещеева, полученіе взятокъ съ народа деньгами, золотомъ, серебромъ, освобожденіе за взятку якутскихъ сборщиковъ, обвинявшихся въ хищеніи казны, пытки двухъ человѣкъ, обвиненныхъ безъ достаточныхъ уликъ, при чемъ послѣ пытки «жегъ огнемъ», отчего одинъ умеръ; переборъ себѣ лишняго жалованья и приобрѣтеніе разными злоупотребленіями 34811 руб. и мн. др. За эти провинности, въ назиданіе другимъ, повелѣно Жолобова казнить 1 іюля 1736 г., и указъ объ его проступкахъ и казни «напечатать во всемъ государствѣ публиковать».

Если крупное административное лицо открыто допускало злоупотребленія по должности, то что же оставалось дѣлать воеводамъ и другимъ мелкимъ чиновникамъ?

По общему наказу воеводамъ представлены были большія полномочія, на нихъ возложенъ былъ общій надзоръ за всѣми отдѣлами администраціи и суда, приводить въ исполненіе приговоры «по секретнымъ дѣламъ», вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы городскія управленія и ихъ выборные чины вели городское дѣло «честно и благородно». Со смертью Петра Великаго сибирскіе воеводы и «начальныя люди» вошли еще въ большую силу, полномочія ихъ были почти безграничны, и воеводы во всякое время были властны въ жизни о смерти обывателя. Самовластіе воеводъ возрастало въ зависности отъ от-

даленія ихъ резиденціи отъ губернскаго города. Въ частной жизни они были деспотами и требовали почестей, соответствующихъ ихъ служебному положенію. Воеводы ходили въ церковь «наряднымъ обычаемъ, носили передъ ними мечъ оберучный, какъ передъ растрогою; а люди его все передъ нимъ съ пищалями, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюретомъ пѣмецкимъ ходятъ». Холоповъ у воеводъ было множество: одни изъ нихъ звались дворецкими, другіе казначеями, иные столбниками и т. д. Когда мангазейскій воевода ходилъ въ баню, то передъ «баню приходили складчики его и поны, и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходили передъ баню челомъ ему ударить». Жена Кокорева при своемъ шествіи въ баню принимала также же поклоненіе отъ всѣхъ женщинъ, которыхъ о выходѣ воеводши оповѣщала пощъ Соска, говоря: «кто хочеть бѣды избыть, то гналь-бы ко всемірной заступницѣ, которая, что захочеть, то и дѣлаеть».

Въ Енисейскѣ, уже въ началѣ XIX вѣка, передъ самымъ прїѣздомъ Сперанскаго, городничій Куконевскій катался по городу въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками. Это онъ дѣлалъ столько же для собственнаго удовольствія, сколько и для наказанія этихъ чиновниковъ, которые хотѣли ходатайствовать о смѣлѣ его. По городамъ воеводы и другія приказныя люди держали цѣлыя ватаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и для своихъ приближенныхъ ушниковъ, и продавая ихъ въ жены русскимъ инородцамъ. Если имъ казалось недостаточно этихъ же женщинъ, прибрѣтенныхъ путемъ купли, кабалы или войны, то они силою отнимали у обывателей женъ и родственницъ, а иногда воровали ихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держали ихъ гдѣ нибудь взаперти, а потомъ выпускали. Нѣкоторые воеводы заводили развратные дома съ цѣлью извлекать изъ нихъ барыши, другіе держали эти дома для того, чтобы лучше строить свое каверзы. Такъ, енисейскій воевода Галихвостовъ отдавалъ на откупъ помѣсячно «зернь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того бралъ себѣ откупъ рублевъ по 100 и больше, и тѣмъ блуднымъ женамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей напрасно для взятки».

Часто воеводы не выдавали служилымъ людямъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья, или половину брали себѣ, а другую отдавали своимъ прїятелямъ. Чиня судъ и

расправу, они смотрѣли на свои обязанности съ чисто коммерческой стороны. Если мало было тяжбъ и жалобъ, то воеводы для своего обогащенія сами создавали ихъ. Они ссорили между собой жителей, приказывали имъ жаловаться другъ на друга, потомъ начинали судить ихъ, при чемъ обирали обѣ тяжущіяся стороны. Иногда они «для своего воровского умыслу и бездѣльной корысти устроили по области заставы многія» и обирали на нихъ проезжающихъ, взимая въ свою пользу съ бѣдныхъ рубля по 4, а съ богатыхъ рублей по 40 и болѣе. Иногда правители шли еще дальше. Иркутскій воевода Ракитинъ въ 1717 г. напалъ за Байкаломъ, на вѣхавшій изъ Китая караванъ купца Гусятникова и совершенно разграбилъ его. Иркутскій губерн. Нѣмцевъ былъ друженъ съ атаманомъ разбойниковъ Гондюхинымъ. Кромѣ того, онъ учредилъ въ городѣ, такъ называемую, «глухую команду», которая, разъѣзжая ночью по городу, производила воровства и разбои.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. прославился нижеудинскій исправникъ Лоскутовъ, который былъ назначенъ главнымъ начальникомъ новыхъ поселеній между р. Каномъ и г. Нижнеудинскомъ. Онъ, прежде всего, составилъ для колонистовъ инструкцію, которая имѣла поразительное сходство съ инструкціей графа Аракчеева жителямъ села Грузина. Лоскутовъ предписалъ, когда и какъ должны вставать крестьянинъ, когда, какъ и гдѣ умываться, чѣмъ утираться, какія читать молитвы, сколько времени и какъ запрягать лошадей, какъ хозяйка должна доить корову, держать молоко, яйца, мясо, какъ снимать сметану, ходить за дѣтьми и пр. и пр. Лоскутовъ строго наблюдалъ за соблюденіемъ своей инструкціи. Онъ пріѣзжалъ въ селеніе не иначе, какъ съ командой казаковъ и съ возами палокъ и лозъ. И если увидить у бабы наplatъ прорѣху или непокрытый горшокъ съ молокомъ, или невыполотыя въ огородѣ гряды—тотчасъ порка. Осмотрѣвъ и выдравъ женщинъ, Лоскутовъ отъѣзжалъ на поля и, если видѣлъ, что мужикъ спашалъ мало или плохо, то сѣкъ его; если замѣчалъ на обратномъ пути, что работа у показаннаго плохо подвигается впередъ, то снова сѣкъ его. Если въ селеніи случалась какая-нибудь кража, или другое преступленіе—тотчасъ съ возами палокъ и лозъ являлся Лоскутовъ, вызывая на улицу хозяйка **первой по порядку** избы и сѣкъ его допрашивая: «Ты сдѣлалъ те-то?» Истязуемый указывалъ на кого-нибудь другого—

сѣкли и того и т. д., пока кто-нибудь не признавался въ преступленіи. Наказаніе у Лоскутова было обыкновенное и съ пересыпкой. Вотъ какъ дѣлалась послѣдняя: сперва избобуютъ всю спину съ головы до пятъ палками, а потомъ, по этимъ ранамъ сѣкутъ розгами. Удары считались тысячами. При наказаніи Лоскутовъ обыкновенно приговаривалъ: «Господи, направь мерзавца».

Запуганность народа, неувѣренность его въ торжество справедливости проявились особенно рельефно во время прѣзда въ Иркутскъ Сперанскаго.

Крестьяне и горожане были застрашены, чтобы не жаловались; по селамъ были отобраны все перья, чернила и бумаги, чтобы не на чемъ было писать жалобы и сложены въ волостныхъ правленіяхъ; въ Иркутскѣ съ такою же цѣлью была выкуплена изъ казначейства вся гербовая бумага, на которой исключительно прежде писались жалобы и прошенія начальству.

По мѣрѣ того, какъ Сперанскій ближе и ближе подвигался къ Иркутску, жалобы на администрацію постепенно уменьшались, а въ Иркутскѣ совсѣмъ замолкли: народъ боялся подавать жалобы! Не побоялись только три дряхлыхъ старика пожаловаться на Лоскутова, а когда Лоскутовъ при нихъ же былъ смѣненъ и арестованъ, то они, трясясь всею тѣлою и рыдая, схватили Сперанскаго за полу и шептали: «Батюшка нашъ, что ты дѣлаешь? Вѣдь ты знаешь его, вѣдь это Лоскутовъ! Какъ бы тебѣ отъ него за насъ чего худо не было». И только небывалая до тѣхъ поръ въ Сибири доступность и честность Сперанскаго развязала языкъ сибиряковъ. И жалобы поились. Наряжено было нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, но Сперанскій совершенно растерялся: ему приходилось судить всехъ поголовно, начиная съ губернатора и кончая волоостнымъ писаремъ! Взятничество до того вошло въ нравы, что Сперанскій считалъ несправедливымъ наказывать за нихъ и только заставлялъ взяточниковъ возвращать взятое.

Сибирь славилась своимъ громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ вымогательства посылались сюда постоянно. Воеводѣ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ; но все это не помогало дѣлу. «Разныя конфузій и безпорядки въ Сибири

не прекращались, а отъ управителей обыватели по-прежнему терпѣли неслыханное раззореніе». Начиная съ Петра Великаго, наказанія правителей за взятки усилились, ихъ ссылали въ каторгу, имъ вырывали ноздри, ихъ били кнутомъ, имъ рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что давнымъ давно уже проникло до мозга костей тогдашняго общества. Взяточничество и послѣ Петра Великаго осталось такимъ же, какимъ оно было до него. «Крестьянамъ—писалъ де-Геннинъ Петру Великому—крестьянамъ бѣднымъ раззореніе отъ судей и въ городахъ отъ земскихъ управителей и въ слободахъ дѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество уже весьма раззорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно. И хотя здѣсь всемъ извѣстенъ экземпль, учиненный князю Гагарину (т. е. казнь его), однако, здѣсь въ Сибири не уменьшаются бездѣльнички. Отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы чинятся и обиды неправды. Судебные комиссары дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ и знатно, что такимъ ворами потачки отъ надворныхъ судей. Также отъ учиненныхъ обидъ отъ солдатъ разсмотрѣній и резолюцій не чинится, и такихъ бездѣльничковъ не арестуютъ, отчего большія пакости дѣются. А камергеры своимъ подчиненнымъ, также надворные судья и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ». Несмотря на заботу правительства назначать въ сибирскіе города и селенія достойныхъ воеводъ и правителей, однако, Сибирь такихъ видѣла мало. Въ именномъ указѣ отъ 12 января 1739 г. по этому поводу говорится: «указали Мы въ Сибирскую губернію выбрать воеводами знатнаго шляхетства, добрыхъ и совѣстныхъ людей». Изъ Высочайшей резолюціи, объявленной 1 февраля 1740 г. на докладныя пункты иркутскаго вице-губернатора, видно, что изъ 28 воеводъ, выбранныхъ Императрицею Елизаветою Петровою изъ числа представленныхъ ею кандидатовъ, лучшихъ приказало опредѣлить въ Якутскъ и Нерчинскъ. Иркутскій вице-губернаторъ Лангъ доносилъ: «для лучшей пользы потребно быть, чтобы въ Якутскъ и въ Нерчинскъ такіе воеводы опредѣлены были, которые бы были, доброй совѣсти... особливо, что въ сихъ двухъ уѣздахъ наилучшая мягкая ружлядь».

В. Загорскій.

АМУРЬ И МУРАВЬЕВЪ. *)

Не закроютъ солнца тучи.

М. Горькій.

13 марта 1848 года въ Иркутскѣ было замѣтно оживленіе; по улицамъ то и дѣло скакали курьеры, часто проѣзжалъ полицеймейстеръ Тюменцевъ и съ озабоченными лицами проходили и проѣзжали разныя начальствующія лица правительственныхъ учреждений. Ночью ожидали прибытія новаго генераль-губернатора Н. Н. Муравьева, до этого исправлявшаго должность военнаго и гражданскаго губернатора города Тулы. По поводу новаго назначенія, въ городѣ давно уже шли разговоры; говорили что Муравьевъ еще сравнительно молодой человекъ, не болѣе 38—39 лѣтъ, получившій воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, участвовавшій въ Турецкой и Польской войнахъ, служилъ въ войскахъ кавказскаго корпуса, принималъ участіе въ дѣлахъ съ горцами. Четыре года онъ былъ начальникомъ второго отдѣла черноморской береговой линіи. Говорили, что онъ назначенъ на постъ генераль-губернатора, по представленію и выбору министра ви. дѣлъ Перовскаго и, кромѣ того, не безъ вліянія протекціи Великой Княгини Елены Павловны, у которой Муравьевъ когда-то былъ камеръ-пажемъ. Говорили, что онъ очень дѣятельный, энергичный, съ характеромъ, строгій, но справедливый и что онъ пользуется расположеніемъ Государя Императора Николая Павловича, которому предъ отъѣздомъ представлялся и на замѣчаніе Государя по вопросу восточныхъ дѣлъ, что ему въ Камчаткѣ не бывать, — отвѣтилъ: «постараюсь и туда добратся».

Новый генераль-губернаторъ былъ встрѣченъ у Московскихъ воротъ только однимъ полицеймейстеромъ. Назавтра ему представлялись военныя и гражданскіе чины города.

Ник. Ник. Муравьевъ вступилъ въ управленіе отдаленнымъ краемъ съ искреннемъ желаніемъ принести ему своимъ служеніемъ какъ можно больше пользы и, главное,

---

*) Пособіями къ составленію настоящаго очерка служили, помимо лично извѣстныхъ мнѣ фактовъ, книги: Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, Барсукова; занятіе Амурскаго края, Рагозы; Древняя и новая Россія 1878 года; Иркутская лѣтопись Пежемскаго; «Иркутскія губернскія Вѣдомости» за 1857, 1858 (библиографическая рѣдкость) и 1861 годы.

Вслѣдствіе спѣшности цитация не проставлена.

кончить съ честью Амурскій вопросъ. А положеніе этого вопроса было таково.

Съ 1644 по 1689 г. мы владѣли рѣкой Амуромъ. Партии русскихъ промышленниковъ и казаковъ, начиная съ Хабарова, двигаясь на востокъ, не встрѣтили большихъ осѣдлыхъ населеній, а мелкія легко были покорены.

Амурскіе туземцы относились къ русскимъ съ ненавистью за ихъ жестокое съ ними обращеніе, что и заставило ихъ просить покровительства маньчжуръ, которые, взявшись за оружіе, вытѣснили русскихъ со всѣхъ пунктовъ, заселенныхъ въ теченіе 45 лѣтняго пребыванія на Амурѣ. Русскіе заперлись въ своей крѣпости Албазинѣ и болѣе года, первоначально подъ начальствомъ храбраго воеводы Толбузина, оказывали упорное сопротивленіе маньчжурамъ, но въ это время въ Нерчинскѣ уже шли переговоры китайскихъ уполномоченныхъ съ окольными Головинымъ о разграниченіи земель. И поэтому осада была снята. Прибывшіе съ Амуре китайцы привезли съ собою на судахъ нѣсколько тысячъ войска и грозили, въ случаѣ упорства Головина, занять Нерчинскъ, въ которомъ весь гарнизонъ состоялъ лишь изъ 500 стрѣльцовъ. По трактату 27 августа 1689 года мы уступили китайцамъ почти всю сѣверную Маньчжурію и часть Дауріи, съ обширною водною системою р. Амуре и сѣверными его притоками.

Сто пятьдесятъ лѣтъ объ Амурѣ всё какъ бы забыли, только время отъ времени наше правительство старалось мирными переговорами съ Китаемъ возвратитъ этотъ потерянный нами край, утрата котораго закрыла намъ свободный доступъ къ морю. Наши промышленники и казаки двинулись на сѣверо-востокъ Сибири, въ 1710—1720 годахъ образовались поселенія на Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ. Обслѣдуется побережье Охотскаго моря, учреждается плаваніе между Камчаткою и Охотскомъ, открываются Шантарскіе о-ва и начинается на нихъ производство пушного промысла. Потомъ русскіе появляются въ Аляскѣ, на Алеутскихъ островахъ и даже достигаютъ Калифорніи. Въ 1806 г. русскіе заняли о. Сахалинъ, образовавъ по берегу р. Тымъ поселеніе.

Владѣя Камчаткой и Охотскимъ краемъ, имѣя въ нихъ ф. йско и эскадру, русскіе въ виду характера мѣстности не могли устроить почтоваго тракта и сообщеніе шло на верховыхъ лошадяхъ, которыхъ и отправлялось изъ Якутска въ Охотскъ ежегодно до 15.000 съ разными

грузами, что вызывало различныя неудобства, да и дорого обходилось правительству.

Рѣка Амуръ, хотя и представляла удобный путь къ Тихому океану, но она стала принадлежать китайцамъ и русскіе не имѣли права плавать по ней.

Мысль о возвращеніи Амура не покидала насъ, но боясь китайцевъ и дорожа кяхтинскою торговлею, мы не предпринимали рѣшительныхъ мѣръ къ возвращенію Амура, тѣмъ болѣе, что господствовало мнѣніе о недоступности устья р. Амура съ моря для морскихъ судовъ.

Такъ, въ 1805 г. отправленъ былъ посломъ въ Пекинъ графъ Головинъ, ему поручено было, между прочимъ, ходатайствовать о возвращеніи Амура. Посольство это возвратилось изъ Монголіи, не видавъ и пустыни Гоби. Въ 1810 г. Иркутскій губернаторъ Трескинъ уполномоченъ былъ трактовать въ Кяхтѣ съ ургинскимъ ваномъ и амбанемъ. Въ числѣ вопросовъ трактата была и р. Амуръ, но китайцы только согласились принять нашего посланника и больше ничего. Въ 1828 году ген.-губернаторъ Лавинскій занялся вопросомъ о возвращеніи Амура и выписалъ изъ Якутскаго архива всѣ бумаги о р. Амурѣ, но бумаги эти погостили въ Иркутскѣ и возвращены обратно.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ появленіе китобоевъ въ Схотскомъ, Беринговомъ и Камчатскомъ моряхъ, открытіе англичанами въ китайскихъ водахъ пяти портовъ для торговли и возникновеніе торговаго движенія въ водахъ Тихаго океана и, наконецъ, продажа американцамъ русскихъ владѣній въ Калифорніи возбудили много разговоровъ въ печати и обратили вниманіе Имп. Николая I. Онъ поручилъ Россійско-Американской Ко. выяснить вопросъ о доступности Амура съ моря, но къ этому порученію отнеслись невнимательно и Государю вновь было представлено, что устье Амура недоступно для судовъ крупнаго размѣра и что Сахалинъ полуостровъ. Въ виду этого наше правительство рѣшило положить границу съ Китаемъ по южному склону Хинганскаго и Становаго хребтовъ до Охотскаго моря къ Тагурской губѣ и отдать навсегда Китаю весь Амурскій бассейнъ, какъ бесполезный для Россіи — по недоступности устья Амура, обративъ вниманіе на Аянъ, какъ хорошій портъ въ Охотскомъ морѣ и на Петропавловскъ, который долженъ быть укрѣпленнымъ портомъ въ Восточномъ океанѣ.

Но дѣятельность новаго генераль-губернатора Муравьева, а также начавшаяся восточная война показали об-

латую сторону этого вопроса, подвинули его къ окончанію и дали возможность русскимъ занять на Амурѣ то положеніе, которое надлежало имъ по праву. Муравьевъ рѣшилъ познакомиться съ положеніемъ ввѣреннаго ему края и посѣтить всѣ далекія мѣста, какъ-то: Камчатку, Охотскій край, Амуръ и по своей дѣятельной и горячей натурѣ не сталъ откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ.

Въ августѣ и сентябрѣ онъ посѣтилъ Забайкальскій край. Попутно поручилъ своему адъютанту Муравьеву изслѣдовать въ Кяхтѣ причины упадка торговли съ Китацами. Какъ объ этомъ, такъ и о положеніи Нерчинскаго горнозаводскаго округа былъ посланъ Государю всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, онъ изложилъ свое мнѣніе, что англичане желаютъ овладѣть устьемъ Амура для полного обладанія торговлею въ Китаѣ, но давнишняя мечта русскихъ и въ особенности сибиряковъ обладать этой рѣкой и что кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью.

Муравьевъ вообще очень подозрительно относился къ иностранцамъ. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на частое посѣщеніе Иркутска англичанами, напр., Гиллемъ и Остенемъ, которые подъ именемъ туристовъ слѣдили за всѣми дѣлами, касающимися вопроса объ Амурѣ. Остенъ даже уѣхалъ въ Нерчинскъ, приступилъ къ постройкѣ большого плота, изъ которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру въ устье послѣдняго, но Муравьевъ, узнавъ о намѣреніи его, командировалъ поручика Ваганова не допускать Остена къ поѣздкѣ по Амуру, что и было исполнено.

15 мая 1849 г., въ 3 ч. дня, Муравьевъ съ женою выѣхалъ въ Камчатку, желая воочію увидѣть этотъ край и точно узнать, въ чемъ онъ нуждается, какія необходимо сдѣлать преобразованія. По распоряженію преосвященнаго Нила, выѣздъ его сопровождался колокольнымъ звономъ, всѣхъъ церковей Иркутска, въ знакъ духовнаго благословенія первой поѣздки перваго генераль-губернатора, рѣшившагося на такое далекое и опасное путешествіе, а въ Хомутовой Кузнецовъ устроилъ Муравьеву обѣдъ. Прежде всего Муравьевъ со своими спутниками и 30 чел. нижнихъ чиновъ направился въ Якутскъ, сначала ѣхалъ на лошадяхъ, потомъ плылъ по Ленѣ на трехъ паузкахъ, нарочно для него построенныхъ.

Изъ Якутска Муравьевъ поѣхалъ въ Охотскъ, при чемъ болѣе 1100 вер. ѣхалъ по тропинкамъ, тундрамъ и боло-

тамъ, преодолевая разныя трудности и неприятности. Въ Охотскъ прибылъ только 25 іюня.

Весь штатъ Муравьева состоялъ изъ 16 человекъ, со включеніемъ казаковъ и погонщиковъ. По тракту отъ Якутска въ Охотскъ было приготовлено по 40 лошадей, при чемъ 20 лошадей шли подъ вьюками, а 4 запасными. На эти 40 лошадей платились прогонныя деньги. Якутское начальство и якуты ожидали, что генераль-губернаторъ потребуетъ для своего поѣзда не менѣе 150 лошадей, какое требовалось ранѣе отдѣльными частными шадей какое требовалось ранѣе отдѣльными частными путешественниками.

Изъ Охотска 4 іюля Муравьевъ на транспортѣ „Пртышь“ уѣхалъ въ Петропавловскій портъ, куда прибылъ 25 іюля.

Увидѣвъ, что Петропавловскій портъ имѣетъ большое стратегическое значеніе, онъ приказалъ немедленно устроить нѣсколько батарей на избранныхъ имъ мѣстахъ.

2 августа Муравьевъ отбылъ на Сахалинъ, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ транспортомъ «Байкаль», на которомъ Невельскій долженъ былъ произвести описаніе лимана и устья в. Амура, но тутъ его не нашелъ. При обратной поѣздкѣ остановился въ портѣ Аянъ, куда 3 сентября вошелъ транспортъ «Байкаль». Муравьевъ поѣхалъ на катерѣ къ Невельскому, который въ рушоръ сообщилъ радостную вѣсть, что Сахалинъ—островъ, а входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможенъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга!

Изъ Аяна Муравьевъ поѣхалъ въ Якутскъ аянскимъ трактомъ по р. Маѣ и Алдану п 200 верстѣ ѣхалъ вверхъ по Ленѣ, а затѣмъ, дождавшись зимняго пути, выѣхалъ въ Иркутскъ, куда прибылъ 20 ноября.

Во время этой поѣздки снѣ обратилъ вниманіе на устройство быта казаковъ, ознакомился съ жизнью и промыслами инородцевъ, принялъ рядъ мѣръ для улучшенія экономическаго положенія Восточной Сибири, облегчилъ участь сосланныхъ и основалъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій.

1 января 1850 г. Муравьевъ командировалъ въ Петербургъ капитанъ-лейтенанта Невельскаго съ докладомъ о результатахъ его открытій и своей поѣздки, причемъ представилъ князю Меншикову все журналы и карты изслѣдованій и открытій относительно Амура, а также и

рапортъ о необходимости занятія устья р. Амура, возможно скорѣе.

Результаты изслѣдованія капитана Невельскаго побуждали правительство обратить серьезное вниманіе на южное побережье Охотскаго моря и была Высочайше утверждена проектированная Муравьевымъ амурская экспедиція, цѣлю которой было, подъ видомъ торговли Россійско-Американской компаніи, оселовать въ заливѣ Счастья зимовье, чтобы оно считалось складочнымъ магазиномъ для торговли съ гиляками. Во главѣ этой экспедиціи былъ поставленъ Невельскій, который 29 іюня 1850 г. заложилъ первое русское селеніе около устья Амура, названное имъ Петровскимъ. Лѣтомъ онъ осмотрѣлъ низовья Амура и 6 августа впервые поднялъ на свободныхъ берегахъ Амура русскій всеняный флагъ, при крикахъ „ура!“ бывшихъ съ нимъ матросовъ и объявилъ гилякамъ сосѣдней деревни Куэгды, что они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство.

Такъ совершилось первое занятіе русскими устья Амура. Оставивъ здѣсь постъ изъ 5 человекъ, Невельскій назвалъ его Николаевскомъ. Зимой Невельскій съ отчетами прибылъ въ Петербургъ, гдѣ находился и Муравьевъ, лично ходатайствовавшій о проведеніи нужныхъ для Сибири реформъ.

Весною 1852 году на р. Шилкѣ началъ строиться пароходъ „Аргунь“ въ 60 силъ на средства, данныя золотопромышленникомъ Е. Кузнецовымъ.

Въ слѣдующій 1853 годъ пароходъ былъ уже оконченъ и спущенъ на воду и начали строить баржи и плоты съ такимъ расчетомъ, чтобы на этихъ судахъ можно было поднять до 1000 чел. солдатъ и до 100,000 п. груза.

Эта предварительная подготовка къ пароходу по Амуру происходила по инициативѣ Муравьева, который предвидѣлъ, что рано или поздно правительство разрѣшитъ склавъ.

Въ апрѣлѣ 1853 года Государь повелѣтъ соизволилъ занять островъ Сахалинъ, гдѣ Невельскій 21 іюля, около устья р. Кулуная, поставилъ постъ Ильинскій; 1 августа въ Императорской гавани поставилъ постъ Константиновскій; 5 августа поднялъ русскій флагъ въ заливѣ Де-Кастри, а 7 при выходѣ изъ озера Кызи въ Амуръ положилъ основаніе Маринскому селенію.

Мѣстные обитатели смотрѣли на русскихъ съ уваженіемъ и отчасти съ страхомъ, какъ на новыхъ невѣдомыхъ пришельцевъ.

13 сент. 1853 г. въ Амуръ вышло первое военное судно изъ эскадры вице-адмирала Путятина.

Въ этомъ году послѣдовалъ разрывъ съ Западною Европой, что и побудило наше правительство обратить вниманіе на Амуръ, такъ какъ только сплавомъ по этой рѣкѣ мы могли своевременно и дешево снабжать наши г-сты Охотскаго побережья и Камчатки необходимымъ провіантомъ и оружіемъ.

За разрѣшеніемъ сплава на Амуръ обратились къ пекинскому двору, но отвѣтъ замедлилъ, а между тѣмъ 11 января 1854 г. комитетомъ по амурскимъ дѣламъ было разрѣшено Муравьеву произвести по Амуру сплавъ грузовъ для Камчатки. Извѣстіе это принято было сибиряками съ радостью, такъ какъ они давно ждали этого момента.

Муравьева по пути изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ въ Сибири встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

13 марта, въ 4 ч. дня, ген.-губернаторъ былъ торжественно встрѣченъ у ^{Иркутск. в.} Иркутской заставы военными и гражданскими чинами и городскимъ головою Медвѣдниковымъ съ гражданами.

21 марта въ благородномъ собраніи городское общество дало обѣдъ Муравьеву съ супругой по случаю возвращенія его изъ Петербурга и разрѣшенія сплава по Амуру. На обѣдѣ присутствовали два архіепископа: Аванасій иркутскій и Иннокентій камчатскій. Говорили по адресу Муравьева привѣтственные рѣчи, въ которыхъ сибиряки благодарили его за тѣ труды и работы, которые онъ понесъ на пользу и благоденствіе дорогой имъ Сибири.

Муравьевъ пожелалъ лично присутствовать при первомъ сплавѣ. 20 октября онъ пригласилъ чиновниковъ въ Вознесенскій монастырь для присутствованія при молельствіи Св. Иннокентію, покровителю края.

Въ 4 ч. дня выѣхалъ со спутниками по кругоморскому тракту. Поѣхали съ нимъ слѣдующія лица: капитанъ Арбузовъ, подполковникъ Шмургинскій, Казакевичъ, Корсаковъ, Бибииковъ, Свербеевъ, Герцфельдъ и чиновники особыхъ порученій; инженеръ Мравинскій, Рейнъ и Кляшкнинъ; переводчикъ маньчжурскихъ языковъ Сы-

чевскій, красноярскій городской голова Кузнецовъ, подпоручикъ топографовъ Литвиновъ и мѣщанинъ Березинъ. За Ангарой, въ домѣ казака Могилева, городской голова А. П. Медвѣдниковъ для стѣзжающихъ приготовилъ обѣдъ.

7 мая Муравьевъ прибылъ въ Шилкинскій заводъ и засталъ здѣсь самую кипучую дѣятельность. На серединѣ рѣки стоялъ на якорѣ пароходъ «Аргунь». Заводъ походилъ въ это время на муравейникъ. Тысяча солдатъ занята была нагрузкой на баржи провіанта, мастеровые конопатили, смолили и спускали суда въ воду. Рѣка Шилка далеко вверхъ отъ заводовъ была загромождена плотами, шедшими къ заводу съ разными экспедиціонными грузами. Всюду шумѣли, бѣгали и суетились....

Когда стало извѣстно, что Муравьевъ уже въ Шилкинскомъ заводѣ, къ нему поспѣшили явиться туда для заводовъ главные мѣстные начальники Забайкальской области и всѣ представители сословій. По подпискѣ между прибывшими былъ устроенъ 9 мая праздникъ въ честь Ник. Ник., причемъ заводъ былъ украшенъ флагами, транспарантами, вечеромъ зажгли иллюминацію, пущенъ былъ фейерверкъ, на видныхъ мѣстахъ были выставлены изъ разноцвѣтныхъ огней вензеля виновника торжества За роскошнымъ ужиномъ читали стихотворенія, сочиненныя въ честь настоящаго торжества.

14 мая рано утромъ отданъ былъ приказъ выступить въ путешествіе послѣ полудня. День былъ ясный, солнце ярко освѣщало берегъ Шилки. Хребты и долины, озаренные его свѣтомъ, казалось, радовались тому, что происходило на рѣкѣ. Около 4 часовъ пробили тревогу, изъ лагеря показался Муравьевъ со своей свитой, и всѣ двинулись къ берегу. Здѣсь на полянѣ стоялъ небольшой столъ, покрытый скатертью и на немъ икона Божіей Матери, изъ Албазына, которою мѣстный священникъ благословилъ всѣхъ отплывающихъ. Изъ заводской церкви, находящейся за рѣкою, несли хоругви и иконы; за ними шло духовенство и клиръ, съ колокольни раздавался благословѣсть. Шествіе съ иконами перешло въ лодку, чтобы переплыть къ лагерному мѣсту и тихо понеслось по рѣкѣ его молитвенное пѣніе, — «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его». Всѣ сняли шапки.

По окончаніи молебствія, на мачтѣ генеральской лодки взвился флагъ, всѣ стали на свои мѣста и раздалась команда сняться съ мѣста. Выстрѣлы заводской

пушки привѣтствовали начало плаванія, горныя впади вторили ей и перехватывали эхо, населеніе Шилки кидало шапки въ воздухъ и кричало „ура“. Это было восторженное единодушное, радостное привѣтствіе и какъ бы предзнаменованіе благополучнаго исхода новому пути. Музыка играла гимнъ. Флотилія двинулась. Впереди всѣхъ шла лодка генераль-губернатора, который стоялъ въ носовой ея части, заложивъ палецъ правой руки за бортъ мундира и устремивъ взглядъ въ синѣющую даль рѣки. Лице его сіяло отъ радости, въ эту минуту начали исполняться его мечты, ради которыхъ въ теченіе шести лѣтъ онъ не зналъ покоя.

Болѣе, чѣмъ на двѣ версты, растянулась флотилія, за генераль-губернаторской лодкой неслись три офицерскихъ вельбота, а за ними слѣдовало 5 лодокъ, 18 баркасовъ, 13 баржъ, 8 пласкоутовъ, 29 плотовъ и пароходъ «Аргунь».

Въ составъ экспедиціи входили, кромѣ Муравьева, двадцать чиновниковъ, 754 ч. нижнихъ чиновъ, 120 казаковъ съ 118 лошадыми, 8 офицеровъ, 16 мастеровыхъ и 4 пушки. При отрядѣ слѣдовало 20,600 п. муки, 2500 п. крупы, 300 п. овса, не считая груза для нуждъ Камчатской флотиліи.

Первый ночной привалъ былъ у Усть-Кары, въ 18 верстахъ отъ мѣста отбытія. На зеленомъ лугу берега Муравьевъ со штабомъ ужиналъ, лучшимъ блюдомъ была бѣлуга.

Въ 3 ч. утра понеслись далѣе. Муравьевъ и его спутники любовались живописнымъ берегомъ Шилки; лѣвый покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, а правый—равнинный. Населеніе прибрежныхъ деревень высыпало на берегъ при видѣ небывалаго зрѣлища.

18 мая въ половинѣ третьяго пополудни экспедиція вступила въ воды Амура. Отрядъ остановился. Музыка заиграла гимнъ, всѣ сняли шапки и осѣнлись крестнымъ знаменіемъ. Муравьевъ, зачерпнувъ въ стакачь амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по Амуру, раздалось восторженное «ура» и флотилія понеслась впередъ.

Такимъ образомъ, послѣ двухсотлѣтняго промежутка времени, патриотическими усиліями и настойчивостью Н. Н. Муравьева русскіе снова появились на Амурѣ. Хотя вода Амура была и на прибыли, но, въ виду неизвѣстности направленія фарватера рѣки, шли только

днемъ, на ночь же дѣлали остановки. По берегу Амура селеній не было.

20 мая флотилія подошла къ мѣсту бывшего Албазина, нѣкогда обгаренного кровью первыхъ русскихъ соотечественниковъ. Причаливъ къ этому пустынному мѣсту, музыка заиграла „Коль славень“. Здѣсь была остановка на дѣлѣй день. Постѣ Албазина берега начали оживляться, то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а немного не доходя до китайскаго города Айгуна, русскіе увидѣли и первыя фанзы маньчжуръ.

28 мая флотилія подошла къ Айгуну, но губернаторъ города, не получившій къ тому времени распоряженій изъ Пекина, не хотѣлъ пропускать суда. Назавтра 29 Муравьевъ отправился къ китайскимъ властямъ самъ и получилъ разрѣшеніе, главнымъ образомъ, потому, что китайскіе чиновники были перепуганы появленіемъ парохода и огромнаго числа баржъ и лодокъ, и только желали, чтобы незваные гости скорѣе ушли.

5 іюня, при выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьевъ обратилъ вниманіе на высокій берегъ рѣки съ выступающей скалой и, сказалъ, что здѣсь будетъ городъ! Теперь, дѣйствительно, тутъ Благовѣщенскъ, а на скалѣ поставленъ ему памятникъ.

9 іюня свирѣпствовала буря, грузовыя суда были прѣбиты къ низменному берегу, провіантъ подмоченъ, отрядъ простоялъ тутъ двое сутокъ для просушки и починки.

14 іюня, утромъ, въ 7 верстахъ отъ Маринскаго поста флотилія была встрѣчена Невельскимъ. Къ полудню, при крикахъ «ура» всего отряда, она пристала къ берегу. За обѣдомъ у Н. Н. Муравьева всѣ поздравляли другъ друга съ окончаніемъ перваго сплава по Амуру.

Эта первая военная экспедиція составляетъ важную эпоху въ исторіи пріобрѣтенія Амура: она проложила Россіи путь къ Восточному океану.

Изъ числа солдатъ перваго сплава 400 человекъ были отправлены въ Петропавловскъ, чрезъ озеро Кизи, въ заливъ де-Кастри на укомплектованіе находящагося въ Камчатской флотиліи 47-го флотскаго экипажа, а отсюда на транспортахъ «Иутишь» и «Дызна», пошедшихъ изъ Кронштадта въ Камчатку съ орудіями. Сотня казаковъ была оставлена въ Маринскомъ посту, а остальные сплавлены въ Николаевскій портъ. Муравьевъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія на случай нападенія непріятеля, такъ какъ

въ это время уже шла извѣстная крымская война, постигъ заливъ де-Кастри, Императорскую гавань, побывалъ въ Петровскомъ и въ Николаевскѣ, гдѣ лично выбралъ мѣсто для постройки батарей, и 10 августа отбылъ чрезъ Аянъ и Якутскъ въ Иркутскъ, куда прибылъ вечеромъ 26 сентября.

Назавтра, въ 11 ч. утра, ген.-губернатору представлялись чиновники, а потомъ всѣ послѣдовали въ соборъ, гдѣ былъ совершенъ архимандритомъ Петромъ съ городскимъ духовенствомъ благодарственный молебенъ по случаю счастливаго окончанія дальняго пути по Амуру.

О благополучномъ прибытіи сплава по Амуру иркутяне узнали еще 4 августа, когда прибылъ сюда подполковникъ Корсаковъ и купецъ Кузнецовъ, оба бывшіе съ генераломъ на Амурѣ. Того-же дня Корсаковъ выѣхалъ въ Петербургъ съ пакетами и донесеніями.

6 ноября утромъ Иркутскъ облетѣла вѣсть, что г. Муравьеву прибылъ отъ камчатскаго военнаго губернатора Завойко нарочный съ донесеніями, что 18 августа англо-французскій флотъ сдѣлалъ нападеніе на Петропавловскій портъ и бомбардировалъ его. 24-го было высажено на берегъ 650 чел. десантнаго войска, но нападеніе было съ успѣхомъ отражено, при чемъ непріятель потерялъ 300 человекъ и знамя.

Захваченное знамя доставлено Муравьеву. 27 августа непріятель ушелъ въ море. Въ Петропавловскѣ было 1016 чел. войска и 60 пушекъ. Какъ иркутяне были довольны по поводу совершеннаго сплава, такъ были обрадованы и извѣстіями объ отраженіи непріятеля. Всѣ сознавали, что занятіе намъ устьевъ Амура и совершенный по этой рѣкѣ сплавъ разнаго рода припасовъ для Камчатки были причиною благополучнаго страженія непріятеля.

Въ этотъ же день, въ 10 ч. утра, въ соборѣ преосвящен. Афанасіемъ совершено молебствіе по поводу одержанной побѣды надъ непріятелемъ.

Муравьевымъ былъ данъ для чиновниковъ и гражданъ обѣдъ. Послѣ обѣда знамя, отнятое въ сраженіи у англичанъ, возчи по улицамъ для показанія народу, съ сопровожденіемъ отряда конныхъ казаковъ и полицеймейстера. Назавтра, 7 ноября, въ благородномъ собраніи былъ устроенъ городскимъ головой Медвѣдниковымъ балъ.

Н. Н. Муравьевъ предполагалъ, что непріятель, хотя и получилъ упорное сопротивленіе, но, имѣя въ своемъ распоряженіи 26 боевыхъ судовъ, послѣ зимы возобновить свои дѣйствія. Въ виду этого Муравьевъ послалъ въ Петропавловскій портъ курьера, который выѣхалъ въ декабрѣ чрезъ Якутскъ, Охотскъ и Гижигу по дикому побережью Охотскаго моря, совершивъ 8½ тыс. вер. на собакахъ въ 3 мѣсяца, съ приказаніемъ вооружить всѣ суда, снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, забрать гарнизонъ и не только военныхъ, но и гражданскихъ чиновъ съ ихъ семействами и ранней весной выйти въ море. Курьеръ прибылъ въ Петропавловскъ 3 марта, а чрезъ мѣсяць 7 судовъ, съ грузомъ въ 80000 пуд. по искусственному во льду каналу вышли изъ гавани; благодаря туману, прошли мимо непріятели и чрезъ мѣсяць тяжелаго плаванія прибыли въ бухту де-Кастри.

Оставленный Петропавловскъ спасалъ честь нашего оружія и эскадры.

Непріятель, видя, что онъ обмануть, погнался за ушедшими, но въ ночь на 15 мая наша эскадра вошла въ только что вскрывшійся Амуръ. Англичане не знали, что думать: они не подозрѣвали о возможности прохода на сѣверъ; въ то время только русскіе знали, что Сахалинъ островъ и входъ въ Амуръ возможенъ и съ юга. Такъ состояло дѣло при устьѣ Амура.

Между тѣмъ, Муравьевъ не переставалъ хлопотать о снабженіи войсками и боевыми припасами занятаго нами Амура.

26 февраля 1855 года утромъ въ Иркутскъ привезли изъ Омска 24 большихъ мѣдныхъ и чугуныхъ пушки разной величины, отъ 100 до 200 пудовъ вѣсомъ, при нихъ слѣдовали ядра и картечь. Остановка была на площади противъ гауптвахты и 27 отправлены дальше за Байкалъ. Весь городъ въ теченіе дня перебывалъ на площади, желая посмотрѣть пушки «на страхъ врагамъ».

Онѣ везены были крестьянами, собранными по наряду изъ разныхъ деревень, каждую пушку везло 60 лошадей. До послѣднихъ чиселъ марта продолжали по временамъ проходить транспорты съ разными военными снарядами и порохомъ и разными желѣзными вещами для парохода — якорями и машинами. Все это слѣдовало на Амуръ. 30 марта Муравьевъ вновь отбылъ въ дальній путь на Амуръ, на второй сплавъ. Сплавъ этотъ былъ раздѣленъ на три части: 1-я — изъ 26 баржъ подъ начальствомъ

самаго Муравьева; 2-я—изъ 52 баржъ и 3-я—изъ 35. Этимъ сплавомъ было доставлено на защиту приамурскаго края 3000 чел. войска, 120,000 пуд. различного провіанта и тяжелыя крѣпостныя орудія для укрѣпленія Николаевскихъ фортовъ, этимъ же сплавомъ ѣхала на Амуръ экспедиція Маака, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ Географическаго общества. Кромѣ того, въ этотъ сплавъ, въ виду разрѣшенія занять лѣвый берегъ Амура, были доставлены сюда 480 чел. крестьянъ, которыхъ поселили между Маринскимъ и Николаевскимъ постами.

Такъ какъ непріятельская эскадра, болѣе 50 судовъ, находилась въ Охотскомъ морѣ и всякую минуту можно было ожидать ея нападенія, то укрѣпленіе Николаевской крѣпости шло съ большою поспѣшностью, ея батарея была вооружена 53 орудіями. Муравьевъ лично слѣдилъ за всѣми дѣлами.

Непріятель 27 іюня посѣтилъ Аянъ, жители котораго разбѣжались по лѣсамъ. Съ 3 по 10 октября онъ бомбардировалъ Николаевскъ.

Въ Охотскомъ морѣ Муравьевъ едва избѣжалъ плѣна: находясь на баржѣ «Пальметто», онъ въ теченіе 10 сутокъ былъ преслѣдуемъ французскимъ непріятельскимъ кораблемъ, и лишь на 18-й день вошелъ въ портъ Аянъ.

Изъ Аяна зимнимъ путемъ Муравьевъ выѣхалъ до Нелькана верхомъ на оленяхъ, а оттуда, вдоль по р. Маѣ, на собачьихъ нартахъ; посѣтилъ Якутскъ и въ Иркутскъ прибылъ ночью съ 14 на 15 декабря. Ранѣе, въ срединѣ ноября, проѣхалъ чрезъ Иркутскъ полковникъ Корсаковъ съ донесеніемъ съ Муравьева Государю о положеніи дѣлъ на Амурѣ.

31 дек. 1855 г., по случаю проводинъ стараго года и пріѣзда Муравьева, въ городѣ было торжество. Противъ ген.-губернаторскаго дома былъ устроенъ фейерверкъ и разные вензеля, играла музыка. Большая улица была уставлена площадками и украшена фонарями. Театръ тоже былъ иллюминированъ и украшенъ вензелями. На Ланинской улицѣ, при пересѣченіи ея Большою, построены большіе щиты съ вензелемъ Н. Н. Муравева и освѣщены были площадками. Въ театрѣ шелъ прекрасный спектакль.

По улицамъ происходило многолюдное движеніе зрителей.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно третьей амурской экспедиціи и по управленію краемъ, 14

января 1856 г. Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ въ Петербургъ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ городскимъ головою Петромъ Осиповичемъ Катышевцевымъ былъ приготовленъ отъѣзжающему прощальный обѣденный столъ.

Въ январѣ чрезъ Иркутскъ прослѣдовали на Амуръ пушки вѣсомъ отъ 300 до 400 пуд. и болѣе; кромѣ того, проходило много разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Въ эту поѣздку Муравьевъ ходатайствовалъ о формальномъ уполномоченіи его для переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, при заключеніи новаго трактата; опровергъ всѣ доводы министерства иностранныхъ дѣлъ, которые были выставлены противъ его ходатайства, и Государь Императоръ повелѣлъ дать Муравьеву полномочіе для переговоровъ, а плаваніе по Амуру продолжать.

Въ началѣ 1856 года изъ Китая стали доноситься вѣсти, что китайцы не допустятъ болѣе сплавовъ; поэтому Муравьевъ командировалъ Корсакова на Амуръ для переговоровъ, которые закончились благополучно, такъ какъ китайцы, зная, что русскіе навезли на Амуръ много войска, согласились, что препятствовать сплаву не будутъ, только просили, чтобы наши не обижали ихъ людей.

Третій сплавъ по Амуру былъ подъ начальствомъ подполковника Буссе, въ составѣ 110 различнаго рода лодокъ, баржъ; съ этимъ сплавомъ прибыло на Амуръ 1636 чел. солдатъ и 289,750 пуд. груза, главнымъ образомъ, пушки и снаряды. Для этого сплава Вел. Князь Конст. Николаевичъ подарилъ шесть винтовыхъ корветовъ и шесть клиперовъ.

Въ началѣ 1856 года въ Парижѣ былъ заключенъ миръ и войска, переведенныя на Амуръ для отраженія непріятели, въ теченіе лѣта были возвращены обратно. Такъ, въ августѣ прибыло въ Забайкалье около 2000 чел. солдатъ, выступившихъ съ Амурса въ началѣ іюля, нѣкоторымъ пришлось перенести массу лишеній. Третій отрядъ, въ 380 человекъ, выступилъ въ концѣ іюля, прибылъ въ Усть-стрѣлку 16 декабря, пробывъ въ пути 143 дня и выдержавъ сорокодневный голодъ и холодъ, отчего 102 человекъ въ пути умерло. Есть преданіе, что во время этой голодовки было людоедство.

Судьба третьяго отряда надѣлала много шума не только въ Россіи но и за границей.

Въ концѣ 1856 года учреждена Приморская область, Николаевскій постъ переименованъ въ Николаевскъ и избранъ мѣстопробываніемъ губернатора. Между Ник-

лаевскомъ и Маринскомъ были выстроены почтовые станции, а изъ Америки получены для плаванія по Амуру два парохода «Амуръ» и «Лена».

Такимъ образомъ, Россія признала Амурскій край своимъ, хотя договоръ на этотъ счетъ еще не существовалъ.

Въ началѣ 1857 г. для рѣшенія возникшихъ вопросовъ между Россіей и Китаемъ посланъ былъ для переговоровъ графъ Путятинъ, который прибылъ въ Иркутскъ 21 марта, и выѣхалъ далѣе 27-го въ Кяхту, а отсюда послалъ китайскому правительству извѣщеніе, требуя пропуска въ Пекинъ. Въ маѣ пришелъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что особенно важныхъ дѣлъ съ Россіей нѣтъ.

25 мая Муравьевъ съ Путятинымъ выѣхали на Амуръ съ четвертымъ славомъ, который перевезъ туда 450 семей казаковъ для заселенія берега Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія р. Уссури. Славъ грузовъ въ этомъ году былъ отданъ съ подряда иркутскимъ купцамъ Серебрякову и Зимину.

Муравьевъ все лѣто пробылъ на Амурѣ, посѣтивъ устье р. Буреи и Хинганскій хребетъ, гдѣ лично указывалъ мѣста для заселенія казаковъ.

Путятинъ уѣхалъ къ берегамъ Китая; достигнувъ рѣки Пейхо, вошелъ въ сношеніе съ китайскими властями и получилъ отвѣтъ, что изъ-за возникшихъ недоразумѣній не стоитъ разрывать двухсотлѣтнюю дружбу.

Подобный уклончивый отвѣтъ былъ данъ потому, что китайцы насъ боялись, хорошо зная наши силы на Амурѣ. А тогда на границахъ Маньчжуріи войска было 4000 чел., Монголія—четыре линейныхъ баталіона, 12 пѣшихъ баталіоновъ Забайк. казачьяго войска, линейной артиллерійской бригады 1 т. и 6 конныхъ полковъ Забайкальскаго казачьяго войска; всего 22,000 человекъ; орудій батарейныхъ 8, легкихъ 24, горныхъ 8,—всего 40.

21 августа Муравьевъ возвратился въ Иркутскъ.

30-го, въ день тезоименитства Государя Императора, у него былъ данъ для чиновниковъ и гражданъ города большой званый обѣдъ, за обѣдомъ играла музыка. Вечеромъ былъ балъ въ залѣ благороднаго собранія и спектакль въ театрѣ безъ платы за входъ. Городъ былъ красиво иллюминированъ. Черезъ нѣсколько дней Муравьевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ недолго и уѣхалъ за границу лѣчиться, отсюда былъ вызванъ въ Петербургъ для совѣщанія относительно недавняго посланія

Путятинъ, который былъ назначенъ начальникомъ отдѣльной эскадры и комиссаромъ для наблюденія за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи къ Китаю, а должность посланника была унижена. Китайцы были извѣщены, что самъ Муравьевъ получилъ отъ Государя приказаніе, какъ ему переговариваться и какъ дѣйствовать на границѣ.

Зимой открылся трактъ отъ Николаевска до Усть-Стрѣлки. До Маринскаго поста были выстроены станціи, у нѣкоторыхъ стояли столбы съ двухглавыми орлами, названіями станцій и означеніемъ числа верстъ.

Въ навигацію 1857 года состоялось открытіе торговаго пароходства по р. Амуру. 3 іюля прибылъ съ Усть-Амура въ Усть-Стрѣлочный караулъ (при слияніи Шилки и Аргуни) рѣчной пароходъ «Лена» подъ командой капитана лейтенанта Сухомлина, съ почтою, пассажирами и грузомъ разнаго товара, и прошелъ далѣе по Шилкѣ въ Шилкинскій заводъ, куда прибылъ 18 августа. Жители были пріятно изумлены такимъ далекимъ гостемъ, встрѣтили его громкимъ ура и ружейными выстрѣлами. Команда парохода дружно отвѣчала тѣмъ же народнымъ кликамъ. Въ этомъ безыскусственномъ привѣтствіи красноярцы высказались надежды мѣстныхъ жителей на развитіе зарождающейся торговли съ Америкой, и глубокое сочувствіе къ видамъ начальника края. Вслѣдъ за „Леной“ пришелъ 20 августа въ Усть-Зею 2-й пароходъ „Амуръ“, тоже съ разными товарами и, между прочимъ, на немъ было привезено 4350 соболей на 36,114 р., 14 лисичъ—сиводушекъ и 30 хорьковъ. Мѣха эти принадлежали красноярскому купцу Кузнецову. Пароходы были правительственные, желѣзные, изготовлены въ Америкѣ; поздно осенью 1856 г. были доставлены на купеческомъ суднѣ къ устью Амура и здѣсь уже собраны. 17 марта въ Николаевскѣ спущена съ эльнга на ледъ «Лена», а 21 апрѣля «Амуръ». 31 мая «Амуръ» отплылъ изъ Маринскаго поста въ Усть-Стрѣлку (2500 верстъ, шель ровно 30 дней). Неизвѣстность фарватера заставляла терять много времени. Въ 9 ч. веч. пароходъ останавливался и за густыми утренними туманами не могъ слѣдовать далѣе ранѣе 8 час. утра. Весеннее половодье тоже препятствовало быстрѣйшему ходу парохода противъ теченія.

Въ это лѣто Николаевскѣ посѣтило шесть иностранныхъ караблей, на которыхъ были съѣтныя припасы, ма-

нуфактурныя издѣлія и колониальныя товары, всего на 382,090 руб.

Въ іюль Иркутскіе узнали о началѣ торговаго пароходства по Амуру. Ликованіямъ не было конца. Никакое, кажется, событіе не имѣло такого вліянія на умы жителей Восточной Сибири, какъ открытіе плаванія по Амуру. Самая занимательная новость въ Иркутскѣ—это что-нибудь объ Амурѣ.

Да и какъ было не радоваться сибирякамъ?

Обладаніе Амуромъ или открытіе безпрепятственныхъ постоянныхъ торговыхъ сношеній по этой рѣкѣ—было всегда вопросомъ, первостепенной важности для Восточной Сибири. Не много можно найти на земномъ шарѣ рѣчныхъ системъ, которыя имѣли бы такое огромное значеніе для данной страны, какъ Амуръ для Восточной Сибири. Всѣ понимали, что такая большая рѣчная система есть безцѣнное сокровище, естественный и вѣрнѣйшій залогъ благосостоянія Сибири, живительное начало всей матеріальной и промышленной жизни края, что Амуръ долженъ быть жизненной артеріей для Сибири, что обширная страна, лежащая между Амуромъ и Становымъ хребтомъ, составляетъ самую лучшую область Восточной Сибири, самую плодородную и способную къ воздѣлыванію; она со временемъ можетъ стать житницей для Камчатки и всего сибирскаго побережья Восточнаго океана... Сибиряки приветствовали приходъ «Лены» и «Амура» въ Усть-Стрѣлку, какъ новую эру въ промышленной исторіи Восточной Сибири, какъ начало поздаго періода для ея торговли.

12 янв. 1858 года получено въ Иркутскѣ извѣстіе, что Высочайшимъ приказомъ отъ 6 декабря 1857 г. Н. Н. Муравьевъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Вѣсть эта вызвала всеобщее желаніе отпраздновать новое высокое назначеніе начальника нашего края и тѣмъ принести ему хотя заочное поздравленіе. По общему желанію иркутскаго общества 14 января въ благородномъ собраніи былъ устроенъ обѣдъ на 170 человекъ, причѣмъ участіе въ этомъ обѣдѣ пожелали принять и дамы. Предсѣдательствующій К. К. Венцель провозглашалъ задравные тосты, которые были приняты съ восторженными «ура». Давно въ Иркутскѣ не было такого праздника, который, несмотря на многочисленность гостей, скорѣе походилъ на семейный обѣдъ, вполне искренній и радушный

7 февраля прибылъ Муравьевъ. 2 марта городское общество въ благородномъ собраніи, по случаю благополучнаго возвращенія изъ Петербурга, давало обѣдъ. Къ тому же, еще было получено радостное извѣстіе объ утвержденіи проекта Амурской торговой компаніи. Всѣ сознавали важныя послѣдствія отъ этого для промышленнаго быта Восточной Сибири. Иркутяне, особливо торговое сословіе, не могли не быть признательными тому, кто открылъ для Сибири торговый путь по Амру. Во время обѣда тѣсѣ за здоровье амурскаго предпріятія былъ принятъ съ искреннимъ восторгомъ.

17 марта иркутскій 2 гилдіи купецъ Андрей Вас. Бѣлоголовый вступилъ въ управленіе дѣлами Амурской К., которая учреждалась съ цѣлью развитія въ Приамурскомъ краѣ дѣятельную торговлю и промышленность.

Въ апрѣлѣ иркутяне покупали въ управленіи генеральнаго штаба карту р. Амура, вновь исправленную и дополненную изъ иностранныхъ и глазомѣрныхъ съемокъ.

6 апр. Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска на Амуръ, а 26 изъ Стрѣтенска, во время ледохода по р. Амру, поѣхалъ на особыхъ баржахъ въ сопровожденіи архіепа. Иннокентія 5 мая, не доходя устья р. Зеи, онъ былъ встрѣченъ китайскими чиновниками, просившими обождать прибытія въ Айгунь ихъ главнокомандующаго изъ Цицикара.

6 мая, по прибытіи Муравьева въ Усть-Зейю, къ нему пріѣхалъ изъ Айгуна амбанъ и просилъ обождать плыть далѣе, чтобы поговорить о разграниченіи на Амурѣ, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, а пограничные люди находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій.

9 мая въ Усть-Зейской станицѣ преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и станица переименована въ Благовѣщенскъ. 10 мая Муравьевъ поѣхалъ на своемъ катерѣ въ Айгунь на обѣдъ къ амбаню. При вступленіи его со свитой на берегъ, его встрѣтили слабымъ салютомъ изъ маленкихъ мортирокъ. Катеръ и двѣ сопровождавшія его вооруженныя лодки отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій, громкій звукъ которыхъ испугалъ китайцевъ. У амбана въ это время находился цзянь-цзюнь И-Танъ (главнокомандующій). Обѣдъ кончился въ 7 часовъ вечера.

Назавтра, 11 мая, Муравьевъ вручалъ цзянь-цзюню проектъ пограничной черты по Амру, Уссури и по рѣкѣ Тюмень-ула до моря и просилъ посѣтить его въ 4 часа дня на

катерѣ. Цзянь-цзюнь прибыль, обѣдалъ, остался доволенъ музыкой, особенно веселыми мотивами русскихъ плясовыхъ пѣсень, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ.

12 и 13 мая Муравьевъ послалъ для переговоровъ чиновника Перовскаго. Оба эти дня прошли въ безцѣльныхъ разговорахъ. Китайцы хитрили, выставляя свою силу и превосходство, но не трудно было замѣтить въ нихъ сознание своего безсилія и страха предъ русскими. Перовскій далъ имъ понять, что въ Россіи хорошо знаютъ положеніе Китая, который неоднократно поступалъ предъ русскими недобросовѣстно, нарушалъ трактаты, сожегъ и разграбилъ факторию въ Чугучаѣ, и что все эти дѣйствія могутъ вызвать разрывъ дружественныхъ отношеній. Упреки Перовскаго произвели на китайцевъ замѣтное впечатлѣніе.

14 мая Муравьевъ прибыль въ Айгунь, предложилъ уполномоченнымъ поскорѣе окончить дѣло и сообщилъ, что иначе онъ будетъ продолжать свой путь, и выѣхалъ изъ Айгуна. Китайцы испугались, что Муравьевъ уйдетъ, они боялись разрыва съ Россіей и въ тотъ-же день послали справиться о его здоровьи. 15 числа они были уступчивѣе и согласились на все пункты трактата. 16-го цѣлый день переписывались бѣловыя экземпляры на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ и только вечеромъ трактаты были скрѣплены подписями.

Муравьевъ и цзянь-цзюнь обмѣнялись экземплярами и принесли взаимныя поздравленія. Этотъ трактатъ доставилъ Россіи болѣе миліона квадратныхъ верстъ богатой территоріи и открылъ удобный водный путь къ Великому океану.

18 мая Муравьевъ возвратился въ Благовѣщенскъ, гдѣ архіеп. Иннокентіемъ было отслужено благодарственное молебствіе, послѣ котораго Муравьевъ отдалъ по войскамъ приказъ:

„Товарищи! Поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы. Амуръ сдѣлалъ достояніемъ Россіи. Св. церковь молится за насъ. Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ и процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь приобретенная страна! Ура!»

21 мая Муравьевъ поплыль далѣе, къ устью Амура. По пути было избраны мѣста по берегу отъ Малаго Хингана до устья р. Уссури, гдѣ поселилось 500 семей амурскаго пѣшаго баталіона, образовавъ 18 станицъ. При устьѣ Уссури было основано поселеніе Хабаровское. 8 ю-

ня Муравьевъ прибылъ въ Маринскій постъ, гдѣ осматрѣлъ казармы, церковь и другія зданія, выстроенныя въ теченіе двухъ лѣтъ его отсутствія. 10 прибылъ въ Николаевскъ, который растянулся на $1\frac{1}{2}$ версты и имѣлъ до 200 только частныхъ домовъ.

Поднимаясь вверхъ по Амуру, по дорогѣ въ Иркутскъ, Муравьевъ ежедневно встрѣчалъ десятки баржъ и плотей. Это былъ пятый сплавъ. Бѣжавшіе на Амуръ солдаты привѣтствовали своего начальника громкимъ «ура», которое впервые раздавалось здѣсь уходящимъ вдаль эхомъ по горамъ и ихъ отрогамъ.

14 іюня 1858 г. были привезены въ Иркутскъ первыя извѣстія о заключеніи трактата. Быстро разнеслась по городу вѣсть объ этомъ счастливомъ событіи. Особенно живо отдавалась она въ средѣ иркутскаго торговаго сословія, гдѣ радость была единодушная и гдѣ съ удовольствіемъ пересказывали извѣстныя подробности хода дипломатическихъ переговоровъ и содержаніе трактата. Большая и разнообразная толпа народа наполнила площади предъ гауптвахтою и мѣщанскими торговыми рядами въ день прочтенія здѣшнему гарнизону законическаго приказа по войску, даннаго ген.-губ. Н. Н. Муравьевымъ въ Благовѣщенскѣ 18 мая. Иркутскъ въ этотъ день представлялъ совершенно праздничный видъ. И. С. Хаминевъ угостилъ на свой счетъ мѣстный гарнизонъ, фабриканты распустили своихъ рабочихъ, какъ на воскресный день. Вездѣ только и говорили объ Амурѣ, всякій высказывалъ свои предположенія о развитіи съ настоящаго времени торговли и промышленности въ ввозъ пріобрѣтенномъ богатомъ краѣ.

Иркутяне желали должнымъ образомъ отпраздновать счастливое для Россіи событіе,—это было общимъ желаніемъ, но, въ виду отсутствія виновника событія, празднество было отложено до его возвращенія. Желая обставить пріѣздъ Н. Н. Муравьева возможно пышнѣе, иркутское общество остановилось на мысли для въѣзда Муравьева въ городъ съ заморскаго тракта при спускѣ съ Крестовой горы, близъ нѣмецкаго кладбища и городского шлагбаума, устроить триумфальныя ворота, наименовавъ ихъ «Айнгунскими», а улицу Заморскую переименовать въ Амурскую. То и другое предложеніе было принято. И вотъ закипѣла постройка воротъ, къ половинѣ августа они были уже окончены.

Было известно, что Муравьевъ придетъ 20 августа въ полдень. Къ этому времени вновь устроенныя триумфальныя ворота были изукрашены зеленью и флагами; всѣ высшіе чины и граждане Иркутскіе предполагали у воротъ встрѣтить своего генералъ-губернатора. Но извѣщенный о готовящейся ему торжественной встрѣчѣ и не желая ея, Муравьевъ съ послѣдней станціи отправился по Ангарѣ въ лодкѣ. Прибывъ въ городъ, онъ сразу отправился въ соборъ (куда уже собрались всѣ желающіе что встрѣтить) для принесенія благодарственного молебствія за благополучно совершенное путешествіе и счастливое окончаніе великаго дѣла.

Въ соборѣ ген.-губернаторъ былъ встрѣченъ архіепископомъ Евсеіемъ, который совершилъ молебенъ и въ краткихъ, но вполне соответствовавшихъ обстоятельству словахъ привѣтствовалъ Н. Н.

Со всѣхъ концовъ города спѣшили народныя массы къ собору, желая, съ своей стороны, привѣтствовать своего начальника, доказавшаго на дѣлѣ свое искреннее желаніе добра ввѣренному его управленію краю. По выходѣ изъ собора, Муравьева встрѣтило восторженное «ура».

Городское общество вошло съ ходатайствомъ чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ сибирскій комитетъ о разрѣшеніи оставить навсегда выстроенныя у спуска съ Крестовой горы «Айгунскія» ворота, какъ память радостнаго событія, совершившагося въ Айгунѣ. Ходатайство это было удовлетворено, и ворота эти по настоящее время украшаютъ Амурскую улицу. Надпись на нихъ: «Дорога къ Великому Океану» предугазывала путь въ вновь приобрѣтенный край, а теперь намъ современникамъ они напоминаютъ о той амурской эпопее, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ волновала сибирское общество, и о герояхъ ея Н. Н. Муравьевѣ, который, любя сибирскій край, сумѣлъ «безъ порохового дыма» разрубить тотъ Гордіевъ дипломатическій узелъ, который въ теченіе болѣе полутора вѣка никто не могъ разрубить.

На другой день, т. е. 21 августа, въ 8 час. вечера, на всѣхъ улицахъ и площадяхъ зажглись длинныя ряды плашекъ, окна почти всѣхъ домовъ были освѣщены, нѣкоторыя званія всѣ были унижены шкаликамъ и разноцвѣтными фонарями; сотни разнообразныхъ транспортныхъ и шкотовъ съ вензелемъ Н. Н. Муравьева красовались въ различныхъ мѣстахъ города. По словамъ старожиловъ, эта иллюминація—самая блестящая изъ

всѣхъ, когда-либо бывшихъ въ Иркутскѣ. Особенно красивый эффектъ производила иллюминація на берегу р. Ангары, противъ генераль-губернаторскаго дома, съ ея колоссальными транспарантомъ, легкими аркадами, рисующимися разноцвѣтными огнями на черномъ фонѣ Ангары и развѣвающимися флюгерами. Великолѣбно было освѣщено зданіе штаба войскъ, съ верху до низу все залито огнями и, вообще, богато иллюминирована вся площадь передъ этимъ зданіемъ, на которую выходятъ: часть го-стиннаго двора, гауптвахта, зданіе Сибирскаго отдѣла и нѣсколько частныхъ домовъ—всѣ красиво и разнообразно иллюминированные. Отъ этой площади къ берегу Ангары тянулся рядъ ярко-освѣщенныхъ лавокъ и домовъ, а у пристани самолета, въ видѣ воротъ, перекидывался черезъ улицу рядъ разноцвѣтныхъ фонарей. На Большой улицѣ особенно привлекали любопытныхъ: зданіе театра съ яркоосвѣщеннымъ фасадомъ и огромнымъ пейзажемъ—видомъ города Николаевска—передъ входомъ. Горное отдѣленіе само богато освѣщенное, а изъ за него очень эффектно видѣлась крыша недостроеннаго института, покрытая тысячами зажженныхъ шкаликовъ. Домъ г. Маріина, богато и очень красиво иллюминированный, и домъ г. Пестерева съ окнами и дверями, обрисованными горящими шкаликами и съ вензелемъ Н. Н. М. изъ цвѣтковъ. На Заморской улицѣ зданіе главнаго управления Восточной Сибири, фасадъ котораго весь залитъ былъ огнями и напротивъ—столь-же богато освѣщенное зданіе гимназіи съ аллегорическою картиной наверху. Передъ этими всѣми домами весь вечеръ стояли толпы любовавшихся зрителей. Въ другой части города очень богато были иллюминированы: домъ дѣтскаго пріюта, общаго губернскаго управления, г. военнаго губернатора и зданіе дѣвичьяго института. По всѣмъ боковымъ улицамъ, выходящимъ на Большую, далеко тянулись длинныя нити огней. Эффектно рисовались, среди мрака ночи, освѣщенные церковныя колокольни въ разныхъ мѣстахъ города. Почти все населеніе Иркутска гуляло по главнымъ улицамъ города, гдѣ въ этотъ вечеръ было гораздо болѣе движенія, нежели обыкновенно, бывало даже въ праздничный день.

Черезъ день послѣ того, 23 августа, городъ давалъ ген.-губ. Муравьеву большой обѣдъ въ залахъ благороднаго собранія. Служащіе всѣхъ вѣдомствъ и представители всѣхъ значительныхъ коммерческихъ домовъ Иркутска участвовали въ подпискѣ на этотъ обѣдъ. Въ бол.

шой залѣ помѣстилось за прекрасно сервированными столами болѣе 300 человекъ, многія дамы участвовали на этомъ торжественномъ обѣдѣ. Тосты за здоровье Государя Императора, Великаго Князя Константина Николаевича, Царской фамилии, за здоровье. Н. Н. Муравьева, за благоденствіе Восточной Сибири были приняты съ единодушными, громогласно выраженными привѣтствіями; живымъ сочувствіемъ общества сопровождалась и другіе провозглашенныя тосты. Въ то время, когда провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Николая Николаевича, представитель Амурской компаніи, А. В. Бѣлоголовый, обратился къ виновнику торжества съ слѣдующей рѣчью:

«Ваше превосходительство! Вы совершали великій, безпримѣрный подвигъ пріобрѣтениемъ Россіи Амура. Европа смотритъ на это съ завистью, Америка съ восторгомъ. Многими соотечественниками оцѣненъ подвигъ вашъ по истинному достоинству; правда, въ русской семьѣ нашей есть и сомнѣвающіеся въ пользахъ отъ пріобрѣтенія Амура; скажу больше, есть не вѣрящіе въ пріобрѣтеніе его. Но это сомнѣніе, это невѣріе происходятъ отъ изумленія передъ величиною совершившагося событія. Они не могутъ представить себѣ, какъ пріобрѣсти рѣку почти въ 4000 верстъ и пространство земли слишкомъ въ миллионъ квадратныхъ верстъ, можно сказать, не порѣзавъ пальца, не истративъ рубля, безъ всякаго тревоженія и страха не только для Россіи, но даже для мѣстъ, прилегающихъ къ пріобрѣтенному вами краю. Говорить о достоинствахъ мѣстъ пріобрѣтенныхъ—надобно говорить цѣлые дни; слѣдовательно, здѣсь невозможно, да и къ чему это? Подвигъ вашъ такъ великъ, что никакое восхваленіе наше не выразитъ и миллионной части дѣйствительной заслуги вашей. А между тѣмъ, зная просвѣщенный умъ вашъ, вашъ рыцарскій характеръ, я убѣжденъ, что вы ожидаете не звучныхъ фразъ похвалы, а содѣйствія, вы ожидаете дѣлъ. Ничѣмъ нельзя лучше утѣшить васъ, ничѣмъ нельзя болѣе оцѣнить труды ваши, какъ участіемъ въ дальнѣйшемъ устройствѣ края. Вы кончили 1-й періодъ исторической главы—вы пріобрѣли Амуръ съ притоками и гаванями на Тихомъ Океанѣ и начали 2-й, населяя и устраивая этотъ богатый, но пустынный край. Теперь открывается 3-й періодъ—развитіе торговой дѣятельности. Этотъ послѣдній и важный періодъ вамъ безъ сотрудниковъ совершить будетъ невозможно. Но неужели не отзовется на вашъ привѣтливый, благоразумно-совре-

менный призывъ наше русское купечество? Неужели мы, сибирскіе кушцы, останемся холодными свидѣтелями торгового развитія въ нашей отчизнѣ? Къ послѣднимъ, т. е. къ вамъ, почтенные мои сограждане, кушцы сибирскіе, отношусь я и прошу васъ, съ свойственною вамъ практичностью, узнать съ Амурскомъ краѣ, обсудить положеніе его и сообразить, чего можно отъ него надѣяться, а затѣмъ, принятыя дѣятельно съ энергіей и усердіемъ и принятыя, не теряя времени. Помните, что неумолимое время течетъ, не останавливаясь, и если вы упустите это дорогое время и дадите случай воспользоваться старшимъ братьямъ нашимъ по торговлѣ, купцамъ россійскимъ, или еще хуже—купцамъ иностраннымъ, тогда потомки ваши отзовутся о васъ съ укоромъ; но если вы воспользуетесь благоприятными обстоятельствами, пойдете впереди другихъ, то труды ваши блистательно вознаградятся, а родина наша, наша дорогая обширная Сибирь, будетъ благословлять и имя и память вашу. Виновнику же сегодняшняго праздника, нашему истинно-доблестному начальству, мы этимъ выкажемъ, что мы понимаемъ и цѣнимъ и заслуги и труды его, для славы и благополучія края нашего поднятые, и только въ этомъ найдетъ впоследствии отдыхающая, благородная душа его, истинную награду за все имъ перенесенное. Простите, ваше превосходительство, бездарному витію, хотѣвшему многое высказать, но оканчивающему искреннимъ желаніемъ вамъ долгодѣтія, благоденствія и удовольствія дожидаться и видѣть, что приобрѣтеніе ваше приносить существенную пользу нашему отечеству вообще, а управляемому вами краю въ особенности. Милостивые государи! Нелицемерно пожелаемъ многія лѣта его превосходительству, Николаю Николаевичу! Ура!»

Надо было слышать, какимъ энтузізмомъ и радостью дышало отвѣтное «ура» сибирскаго купечества. Мнѣніе такого практическаго человѣка, какъ Андрей Васильевичъ Бѣлоголовый, который, по уму и своей долгодѣтней коммерческой опытности, пользовался первокласснымъ авторитетомъ въ средѣ иркутскихъ негодціантовъ, нашло сочувствіе и живой отголосокъ между сибирскими капиталистами.

Н. Н. Муравьевъ, поблагодаривъ А. В. Бѣлоголова за выраженные имъ мысли и желанія, общалъ всякое зависящее отъ него содѣйствіе всеѣмъ полезнымъ предпріятіямъ; всему, что можетъ послужить къ развитію торговли

и промышленности Восточной Сибири и предложил тостъ за благоденствіе этой обширной области русскаго царства. Обѣдъ продолжался съ 3 до 7 часовъ. Музыка играла во все время обѣда. Пушечные салюты сопровождали предлагаемые тосты. На площади-же передъ благороднымъ собраніемъ на средства купца Веретенникова устроено было угощеніе для простого народа и солдатъ здѣшняго гарнизона. Пять бочекъ водки выставлено было для желающихъ.

24 августа въ той-же залѣ благороднаго собранія назначенъ былъ большой балъ, въ иллюминированномъ саду при домѣ собранія, предполагалось гулянье, а на противоположномъ островѣ въ то же время долженъ былъ быть сожженъ фейерверкъ, но ненастная погода заставила отложить гулянье, иллюминацію и фейерверкъ до болѣе удобнаго времени и ограничиться однимъ баломъ.

Балъ былъ блистательный, на немъ присутствовали всѣ дамы высшаго Иркутскаго чиповничьяго міра и купеческаго общества и продолжался далеко за полночь.

26 августа, день коронаціи Государя Императора, завершилъ рядъ Иркутскихъ праздниковъ. День этотъ былъ отпразднованъ съ обычною торжественностью. Преосвященный Евсевій совершалъ богослуженіе во Владимирской церкви въ присутствіи всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ города. Вечеромъ былъ данъ у генерал-губернатора балъ. Городъ былъ блестяще иллюминированъ, особенно Большая улица.

Такъ отпраздновалъ Иркутскъ заключеніе трактата 16 мая, такъ неожиданно и необыкновенно выгодно для Россіи разрѣшившаго въ этомъ году амурскій вопросъ.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о заключеніи Айгунскаго трактата, Государь Императоръ 26 августа 1858 года рескриптомъ благодарилъ Муравьева за его полезныя и неутомимыя труды на пользу и благоустройство Восточной Сибири, возвелъ его въ графское достоинство и присоединилъ къ фамиліи названіе **Амурскаго**. Извѣщая приказомъ по войскамъ отъ 2 октября о царскихъ милостяхъ, графъ Муравьевъ благодарилъ всѣхъ за труды, понесенные съ нимъ; 198 человекъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, получили щедрыя награды за участіе въ работахъ по присоединенію Амура.

Сибиряки, обрѣдованные присоединеніемъ Амура, старались по возможности вложить свою лепту въ дѣло благоустройства новаго края. Со всѣхъ сторонъ стали посту-

пать пожертвованія. Такъ, въ первое же время, по полученіи радостнаго извѣстія, поступило изъ Кяхты и Иркутска 5430 р. для построенія церкви въ Николаевскѣ. Для церквей въ Усть-Зейской станицѣ изъ Минусинска и Канска—1028 р. Получено отъ неизвѣстнаго изъ Петербурга на построеніе церквей въ Иркутскомъ краѣ двѣ тысячи рублей. Нѣкоторые лица жертвовали церковную утварь, иконы, и т. п. Купецъ Митрофановъ изъявилъ согласіе все приготовленные въ Иркутскѣ для усть-зейской церкви вещи и колокола доставить на собственный счетъ до гор. Верхнеудинска.

Къ началу 1859 г. Государь утвердилъ все представленія Муравьева, касавшіяся до устройства вновь приобретаемаго Амурскаго края.

Лѣтомъ 1859 г. графъ Муравьевъ въ пятый разъ поѣхалъ на Амуръ, желая увидать дорогой ему край. На этотъ разъ онъ объѣхалъ все южное побережье, заходилъ въ заливъ Посыета, объѣзжалъ берега Корен, входилъ въ Бей-Чжилійскій заливъ и подплывалъ къ самому устью р. Пей-хо. Онъ убѣдился, что сила Россіи лежитъ на бережья Великаго океана и выбралъ двѣ лучшія гавани—Владивостокъ и Посыеть, куда чрезъ годъ 20 іюля 1860 г. прибыли команды и заняли ихъ.

Изъ пятой поѣздки Муравьевъ вернулся въ Иркутскъ 1 января 1860 года. Онъ отклонилъ готовившійся ему особый праздникъ, такъ какъ былъ очень недоволенъ иркутскимъ обществомъ изъ за дуэли между чиновниками Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, что и высказалъ въ рѣчи на пріемѣ чиновниковъ, купечества и представителей города. Чрезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ проводовъ и объѣдовъ, уѣхалъ въ Петербургъ съ представленіемъ Государю о раздѣленіи Восточной Сибири и просилъ уволить его отъ управленія Сибирью, а на его мѣсто назначить генералъ майора Корсакова, но обѣ просьбы уважены не были. Тогда онъ испросилъ полугодовой отпускъ и уѣхалъ за границу для леченія, но по разнымъ причинамъ вернулся ранѣе срока и 15 іюня былъ уже въ Иркутскѣ, по славу въ Петербургъ Корсакова поддерживать его ходатайства о введеніи реформъ въ Сибирь. 18 іюля, въ 4 часа дня, торжественно пришелъ съ Байкала съ пушечной пальбой, украшенный флагами пароходъ «Муравьевъ-Амурскій», на которомъ Н. Н. уѣхалъ за Байкалъ на двѣ недѣли. 2 ноября посланникъ Н. П. Игнатьевъ заключилъ дополнительный Пекинскій договоръ, по которому опре-

дѣлилась нынѣ существующая граница Россіи съ Китаемъ и закрѣпилъ за Россіей обширный край, лежащій между рѣкой Уссуріи, Восточнымъ океаномъ и границей Кореи, указанный Н. Н. Муравьевымъ при посѣщеніи имъ портовъ Восточнаго океана.

5 декабря Н. П. Иглатьевъ прибылъ въ Иркутскъ, на перевозѣ его встрѣтилъ Муравьевъ. Назавтра въ домѣ ген.-губернатора посланнику представлялись чиновники разныхъ вѣдомствъ и городское общество, поднесшее ему хлѣбъ-соль.

Въ тотъ же день въ честь его данъ былъ обществомъ обѣдъ въ благородномъ собраніи. 9-го Иглатьевъ посѣтилъ третій литературный вечеръ (недавно учрежденные), на которомъ Романовъ прочелъ статью о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ. 10-го присутствовалъ на спектаклѣ любителей.

Муравьевымъ данъ былъ въ честь посланника балъ, который прошелъ чрезвычайно оживленно.

12-го посланникъ уѣхалъ въ Петербургъ, при чемъ по поддискѣ были устроены ему проводины въ загородномъ домѣ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря пріѣхалъ Корсаковъ и Муравьевъ началъ собираться въ Петербургъ; все знали, что 17 января онъ уѣзжаетъ навсегда. Естественно что иркутяне желали отблагодарить Муравьева за славный тринадцатилѣтній періодъ его дѣятельности.

Проводины начались съ обѣда, даннаго графу городскимъ обществомъ. Потомъ былъ парадный спектакль, затѣмъ балъ, данный начальникомъ губерніи; потомъ обѣдъ, устроенный помощникомъ ген.-губернатора и членами совѣта главнаго управленія; наконецъ, обѣдъ, устроенный графу присутствующими въ Иркутскѣ начальниками губерній и областей Вост. Сибири. Въ свою очередь и графъ отплатилъ также обѣдомъ, на которомъ присутствовало все военное и гражданское начальство и представители городского общества. На обѣдахъ говорилось по адресу графа Ник. Ник. рѣчи, въ которыхъ благодарили его за все, что онъ сдѣлалъ для Сибири; говорили, что Сибирь никогда не забудетъ времени генерал-губернатора Муравьева, когда чувствовался общій живой подъемъ общественной жизни.

17 января, въ 11 ч. утра, въ парадной залѣ дома ген.-губернатора собрались все военные и гражданскіе чиновники, находящіеся въ Иркутскѣ, а въ другой залѣ собра-

лись депутаты ближних и отдаленных волостей и инородческих вѣдомствъ, пріѣхавшихъ проститься съ своимъ начальникомъ—«Николаемъ Николаевичемъ», какъ большинство его звалъ.

Графъ вышелъ сначала къ чиновному міру, которому сказалъ краткую прощальную рѣчь, затѣмъ прошелъ въ депутатское зало, гдѣ въ народной средѣ сказалъ нѣсколько простыхъ привѣтственныхъ словъ; въ отвѣтъ пронеслось громкое «здравія желаемъ». Впечатлѣніе получилось такое, что депутаты на привѣтствіе графа отвѣтили не витѣватыми, но чистыми звуками, исходящими прямо изъ сердца и служившими живымъ доказательствомъ, что между графомъ и представителями народа, которымъ онъ управлялъ 13 лѣтъ, есть крѣпкая, ненарушимая, нравственная связь, которая одна только упрочиваетъ всякое управление.

Потомъ графъ, въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся проститься съ нимъ, отправился въ соборъ, гдѣ прѣосвященнымъ было отслужено напутственное молебствіе отсюда въ благородное собраніе, гдѣ городскимъ обществомъ устроена была закуска.

Великолѣпная зала собранія была переполнена, она кишѣла людьми. Тутъ сошлись рядомъ представители всѣхъ слоевъ общества; всѣ они, по братски, соединились въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи.

Послѣ завтрака помощникъ ген.-губернатора Корсаковъ, отъ лица всѣхъ собравшихся, произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ графу чувства предстоящихъ ему лицъ. Тостъ, имъ предложенный за здоровье графа Николаевича, былъ принятъ съ восторгомъ. Громкое «ура» не умолкало долго.

Графъ отвѣтилъ тостомъ за благоденствіе Восточной Сибири. Затѣмъ, городскою головою отъ лица не только городского общества, но и всѣхъ сельскихъ и инородческихъ, собравшихся для проводовъ, въ словахъ краткихъ, но полныхъ истиннаго чувства, пожелалъ графу счастливаго пути. Едва только успѣлъ онъ окончить свою рѣчь, какъ вся масса заколыхалась, кинулась впередъ... и... одна минута.... графъ былъ поднятъ на руки, на рукахъ вынесенъ въ экипажъ...

Затѣмъ, Муравьевъ, представители высшей администраціи и городского общества прибыли въ Вознесенскій монастырь. Отстоявъ молебствіе и позавтракавъ у настоятеля, отбывающій въ послѣдній разъ простился съ провожавшими,

которые вынесли Николая Николаевича на руках, на улицу. За воротами монастыря, крестьяне и инородцы, прибывшие из города, вновь подхватили графа на руки, донесли до экипажа и буквально его осадили. Один бурятский тайша, едва протискавшийся сквозь густую толпу, протянул в окно возка графу руку и сказал: „прощай, графъ, мы тебя не забудемъ, насъ не забудь“! Стоило большого труда успокоить волнение, чтобы дать возможность двинуться экипажу... Возокъ двинулся. Нарядъ по прежнему стоялъ у площади предъ монастыремъ и долго смотрѣлъ вездѣ отъѣзжающему; у всѣхъ на душѣ было горькое чувство разлуки съ человѣкомъ, который тринадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ на служеніе Сибири.

19 февраля Муравьевъ уволенъ отъ должности генераль-губернатора и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ опубликованномъ рескриптѣ, между прочимъ, сказано:

«Графъ Николай Николаевичъ! тринадцатилѣтнимъ трудами вашими положены прочныя основанія къ утвержденію гражданскаго благоустройства и развитію промышленнаго благосостоянія Восточной Сибири. Необходимыя мѣры къ успѣшному заселенію весьма обширнаго вами пріобрѣтеннаго края, въ особенности съ измѣненіемъ юго-восточныхъ границъ онаго, и вызванныя мѣстными условіями расширеніе морскихъ и преобразование военно-сухопутныхъ учреждений—составляли непрестанно предметы неутомимой заботливости вашей»... При рескриптѣ Н. Н. получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степ. съ мечами и ему было назначено содержаніе въ 15000 руб.

Муравьевъ въ приказѣ отъ 19 февраля по войскамъ Восточной Сибири говорилъ:

«Прощайте, достойные товарищи и сотрудники мои! Служба моя съ Вами на пользу отечества остается для меня самымъ отраднымъ воспоминаніемъ. Спасибо Вамъ, казаки, солдаты и матросы, за Вашу вѣрную и неутомимую службу, благодаря которой возникла русская жизнь въ новомъ Амурскомъ краѣ. Я горжусь, что командовалъ Вами въ то именно время, когда такъ много выпало на долю Вашу сдѣлать полезнаго Россіи».

Проживавшіе въ Петербургѣ сибиряки и лица, служившіе въ Сибири, а также принимавшіе служебное участіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія Амура, 1-го марта поднесли Нико-

лаю Николаевичу на память совершеннаго имъ подвига присоединенія Амура роскошные отлитые изъ серебра по рисунку Зичи, идейные часы, съ фигурами казака, китайца и барельефами. Подношеніе это и сердечное отношеніе всѣхъ принимавшихъ въ этомъ участіе очень тронули графа.

Въ Петербургѣ Н. Н. въ скоромъ времени предали какъ бы забвенію. Главною причиною было то, что въ 1860 году и въ началѣ 1861 года русское общество было взволновано статьями Завалишина изъ Читы, появившимися въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ, гдѣ онъ далеко не въ благоприятныхъ краскахъ изложилъ современное положеніе амурскаго дѣла. Въ статьяхъ этихъ была голая правда, которую многіе знали, но боялись высказать. Завалишинъ познакомилъ Россію съ неустройствомъ вновь приобретенаго края, на что пошли десятки милліоновъ рублей, какъ отъ казны, такъ и отъ частныхъ лицъ. Напримеръ, только одинъ Е. А. Кузнецовъ, (на его средства построенъ иркутскій кафедральный соборъ) на амурское дѣло разновременно вручилъ Муравьеву около трехъ милліоновъ рублей.

Министры и ранѣ этого не съ особеннымъ довѣріемъ относились къ Муравьеву, но послѣ разоблаченій Завалишина и тѣмъ болѣе.

Императоръ Александръ узналъ болѣе подробно о дѣятельности Муравьева въ Сибири и къ какимъ послѣдствіямъ она ведетъ Восточную Сибирь, узналъ, что допущенія и рапорты мало соответствовали дѣйствительному положенію дѣла въ краѣ, управляемомъ Муравьевымъ.

Никто, конечно, не отрицалъ, что Муравьевымъ совершено историческое дѣло, что въ короткое время онъ успѣлъ оживить первобытныя пустыни Амурскаго края, что подобное большое дѣло въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ не могло не имѣть дефектовъ, хотя бы по недостатку способныхъ и полезныхъ помощниковъ, и понимали, что онъ очень былъ увлеченъ Амурскѣмъ и не хотѣлъ считаться съ послѣдствіемъ вводимыхъ имъ реформъ, а потому амурская эпопея, къ сожалѣнію, имѣла много отрицательныхъ сторонъ.

Такъ, развитіе золотопредмысленности повлекло неизбежное поднятіе цѣны на рабочія руки, тысячи крестьянъ-хлѣбопашцевъ были оторваны отъ сохи и увлечены на золотыя прииски, земледѣліе было заброшено, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ.

Отмѣна стѣпной системы вызвала развитіе въ Сибири винокуренія въ очель широкихъ размѣрахъ, что тоже тяжело отразилось на благосостояніи края.

О «темныхъ поборахъ», которыхъ взималось съ крестьянъ Не перечисляя всего, упомянемъ еще, напримѣръ, хотя Иркутской, и енисейской губерній, забайкальской, и якутской областей—677,000 рублей въ годъ. Сборы эти производились якобы на содержаніе волостныхъ и инородческихъ управленій, а на самомъ дѣлѣ шли чиновникамъ, такъ какъ только при помощи этихъ денегъ чиновники могли поддерживать свое существованіе. Населеніе, было экономически разстроено отъ этихъ поборовъ, которые начали уничтожаться только при г.-губ. Синельниковѣ, когда были выработаны новые штаты и новое содержаніе для чиновниковъ, хотя утвержденіе ихъ послѣдовало уже при его преемникѣ.

Въ концѣ марта 1861 года Ник. Николаевичъ уѣхалъ въ отпускъ за границу.

До 1868 года онъ попеременно жилъ, то въ Царскомъ Селѣ, то заграницей, былъ приглашаемъ иногда въ совѣтъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ колонизаціи Сибири, а съ этого года поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ представителей русской колоніи.

Пріѣзжавшіе изъ Россіи лица считали за удовольствіе и честь посѣтить графа Муравьева. Сибиряки привозили ему въ подарокъ байкальскихъ омулей, китайскихъ яблечь и пастилы.

Скончался Николай Николаевичъ 18 ноября 1881 года, 72-хъ лѣтъ, и похороненъ на монастырскомъ кладбищѣ въ Парижѣ.

Память о легендарной личности графа Муравьева до сихъ поръ жива въ Сибири, имя его произносится съ уваженіемъ, въ Хабаровскѣ ему открытъ памятникъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири въ честь его открыли чилища. Имѣются стипендіи его имени. Выясненіе и разборъ его ошибокъ, допущенныхъ во время присоединенія Амура, принадлежитъ исторіи.

Н. Мокѣевъ.

ПАСХАЛЬНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ВЪ ИРКУТСКѢ.

Съ давнихъ временъ праздникъ св. Пасхи на Руси совершается различными народными гуляніями и увеселеніями. Не отступало отъ традиціоннаго праздника въ

этотъ отношеніи и населеніе Иркутска, съ первыхъ годовъ его основанія. Вѣдь не дикари какіе-нибудь были первые насельники Иркутска, а «россіяне», жители съ верныхъ областей Россіи. Избравъ Сибирь и, въ частности, Иркутскъ своею второю родиною, они перенесли сюда свои порядки, обычаи и празднованія.

Можно съ увѣренностью сказать, что еще во время управленія города комиссарами, а позднѣе—воеводами, у жителей Иркутска были уже пасхальные народныя увеселенія; качели, балаганы со скomorохами, акробатами и т. п.

Семейства первыхъ насельниковъ Иркутска, начиная съ дѣтей и кончая ихъ матерями и отцами, находили себѣ въ дни Пасхи удовольствіе на этихъ общихъ гуляньяхъ. Дѣтвора была довольна даже однимъ общимъ праздничнымъ настроеніемъ, а тѣмъ болѣе, когда лакомилась еластями и пощелкивала сибирскими орѣхами. Матери гуляли съ «чадами», отдыхали отъ повседневной суеты и заботъ, а мужья и отцы, какъ люди болѣе серьезные, угощались водочкой, попивая ее изъ стеклянныхъ четырехугольныхъ штофовъ, съ гербами на каждой сторонѣ.

Тутъ можно было услышать какую-либо въ сибирскомъ духѣ оригинальную русскую пѣсню, а съ начала XVII вѣка, когда введена въ Сибирь селылка, и пѣсню съ грустнымъ напѣвомъ. И такъ пасхальныя увеселенія шли изъ года въ годъ: молодежь подростала, старики умирали, а они все были неизмѣнны и неразрывны со свѣтлой селмицей и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались о нихъ пріятныя воспоминанія.

Время шло... Городъ началъ застриваться по направленію къ «потеряихѣ»,—такъ называлась мѣстность между настоящими Казарменской и Мастерской улицами, въ лѣсу которой часто терялись коровы горожанъ. Застривалась мѣстность и по направленію отъ Большой улицы къ горѣ, покрытой большимъ березовымъ лѣсомъ (теперь Иерусалимская).

Населеніе съ теченіемъ годовъ увеличивалось, постепенно мѣнялась общая *физиономія* города, мѣнялись костюмы, но пасхальныя празднества въ своей основѣ мале измѣнялись. Достоверно извѣстно изъ воспоминаній современниковъ, что въ серединѣ XVIII вѣка, въ концѣ его и въ началѣ слѣдующаго во многихъ домахъ иркутянъ къ Пасхѣ устраивали качели и сибирское «скаканье» на доскѣ. Кромѣ того, на площади были устраива-

емы круглыя большія качели съ сидѣньями и коньками, но гдѣ была эта площадь, неизвѣстно. Въ лѣтописи Иркутска отъ 1835 года уже упоминается, что во время праздника Пасхи на Спасской площади,—надо полагать между Спасской церковью и соборомъ, такъ какъ въ сторону Тихвинской церкви были базаръ и лавки,—устроенъ приѣзжей изъ Россіи трупной педь управленіемъ шведа Франца Радо большой балаганъ, въ которомъ происходили представленія отличнаго искусства верховой ѣзды съ хорошими дрессированными лошадьми.

Послѣ Пасхи еще два воскресенія были даваемы представленія и, въ заключеніе, спущенъ воздушный шаръ, который поднялся довольно высоко. Первый ли этотъ шаръ видѣли иркутяне или нѣтъ, лѣтопись умалчиваетъ. Въ половинѣ XIX вѣка пасхальныя гулянія прикимаютъ уже ту форму, которая сохранилась и до нашихъ дней на площади Сперанскаго; только тогда она называлась военной, потому что на ней происходили парады и разводы.

Площадь тогда была окружена: Тихвинскою церковью и зданіями—музея, стоявшаго предъ входомъ въ церковь (онъ стоялъ такъ, что теперь загораживалъ бы двѣ трети ширины Амурской улицы), городской думы, мѣщанскаго торговаго ряда и гауптвахты, гдѣ теперь библіотека. Часть площади предъ нынѣшнимъ промышленнымъ училищемъ,—ранѣе на этомъ мѣстѣ были частные дома и театръ Краузе,—была занята массивнымъ, походившимъ на средневѣковую крѣпость купеческимъ гостиннымъ дворомъ, заключавшимъ въ себѣ около ста кладовыхъ.

Въ 1857 году на этой площади были устроены качели разныхъ видовъ, деревянныя горы, съ которыхъ скатывались по деревяннымъ рельсамъ въ небольшихъ колесныхъ повозкахъ, но это новшество не заинтересовало иркутянь и строитель ихъ остался въ убыткѣ.

Зато была другая новинка, понравившаяся обывателямъ,—это большая двухъэтажная карусель, устроенная Керберомъ. Она стояла на серединѣ площади и представляла изъ себя нечто вродѣ высокаго открытаго павильона, на крышѣ котораго развѣвался флагъ. Двѣ лѣстницы въ два десятка ступеней вели на платформу внутрь павильона. Въ этомъ павильонѣ, съ котораго видна вся площадь, была устроена горизонтально-вертящаяся карусель, избравшая собою поѣздъ желѣзной дороги.

Въ головѣ поѣзда находился паревозъ, а публика разсаживалась по открытымъ вагонеткамъ, нѣсившимъ названія вагоновъ, на коихъ красовались наименованія городовъ: Москва, Римъ, Петербургъ, Дрезденъ, Парижъ. Бреславль и т. д. Эта карусель приводилась въ движеніе лошадьми, находившимися въ нижнемъ (закрытомъ) этажѣ карусели.

Въ день открытія этой новинки для пользованія публики (на второй день праздника) для большей иллюзіи изъ трубы паровоза шелъ дымъ отъ сжигаемой бересты но такъ какъ съ дымомъ полетѣли копоть и искры, дымъ былъ прекращенъ.

На этой карусели катались и старые, и малые.

— А что, женушка, пойдемъ прокатимся, пока на Керберовской дорогѣ, а то когда еще выстроить желѣзную дорогу на Читу-то,—говорилъ толстякъ-купецъ своей половинѣ и, пыхтя, взбирался по лѣстницѣ наверхъ.

Въ то время проектировалась постройка желѣзной дороги отъ Иркутска до Читы.

Съ 1857 года карусель Кербера болѣе тридцати лѣтъ фигурировала на площади въ пасхальные дни.

Затѣмъ, во время пасхальной недѣли, на площади всегда выпивалось много вина, а въ шестидесятыхъ годахъ выпивалась по 50 ведеръ вина въ день и, вообще, народъ любилъ погулять, чтобъ было чѣмъ помянуть,

Съ января 1869 года на военной площади во вновь выстроенномъ большомъ зданіи цирка иностранца Сулье начались «конныя ристалища», акробатическія и другія представленія. Представленія эти происходили и въ теченіе пасхальной недѣли. Съ легкой руки иностранцевъ Радо и Сулье, не любявшихъ отдаленной Сибири, въ послѣдующіе годы въ Иркутскъ на праздникъ Пасхи начали пріѣзжать изъ Россіи различныя труппы артистовъ, а съ начала семидесятыхъ годовъ и труппы китайскихъ фокусниковъ и акробатовъ.

Карусель Кербера работала до конца девяностыхъ годовъ и прекратила свою дѣятельность за ветхостію, а на смѣну ей появились «венціанскія», со стеклярусомъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ съ Тихвинской площади убрали обгорѣлыя руины мѣщанскихъ торговыхъ рядовъ и купеческаго гостиннаго двора, оставшихся послѣ пожара города въ 1879 году (фундаменты видны на площади и теперъ). Размѣръ площади увеличился разъ

въ три, а въ зависимости отъ этого увеличилось и количество праздничныхъ увеселеній для выманиванія пятяковъ изъ кармана обывателя. Появились различныхъ фасонныхъ тиръ «счастья», зыбки, качели, бросанія колець на гвозди, различные рулетки, кегли,—все это, конечно, копейное, но, по пословицѣ: „съ міру по ниткѣ, голому рубашка», и эти многочисленныя, мелкіе предприниматели зарабатываютъ обыкновенно хорошія деньги.

А сколько на площади торгашей со сладостями, минеральными водами, мороженымъ, и всѣмъ, если погода благоприятствуетъ, остаются довольны!

Въ концѣ девяностыхъ годовъ одинъ «смѣловатый» предприниматель вздумалъ удивить иркутянъ и кругомъ всей площади проложилъ рельсы и пустилъ въ ходъ «железную дорогу». Подъ формою паровика была спрятана лошадь, которая и тащила вагоны. Однако, желающихъ кататься не оказалось.

— Скоро на настоящей поѣдемъ,—говорили гуляющіе и проходили мимо.

Управа за отдачу въ аренду мѣстъ на Тихвинской площади подъ балаганы и торговлю на недѣлю Пасхи выручаетъ послѣдніе десять лѣтъ до двухъ тысячъ рублей и болѣе.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ, я могу еще сказать, что до конца восьмидесятыхъ годовъ пасхальныя гулянья на Тихвинской площади носили интеллигентный характеръ; наравнѣ съ сѣренькой публикой гуляла и чистая, а подъ вечеръ имѣвшіе лошадей считали своимъ какъ бы долгомъ ѣздить кругомъ площади въ два, три ряда, такъ что было мудро не перейти черезъ улицу. Но постепенно это вывелось.

Въ девяностыхъ годахъ было уже такъ, что до вечера (4 часа) гуляла сѣренькая публика, а послѣ вечерни публика почище.

Но какъ традиціонное масляничное гуляніе въ настоящее время утратило свое значеніе, такъ и пасхальное тоже измѣнило свой обычный характеръ. Въ послѣдніе годы, съ увеличеніемъ въ Иркутскѣ числа войскъ, пасхальныя гулянья на площади становятся привилегіей голько сѣренькой публики и солдатъ со своими «дульднями». Интеллигенція посѣщать площадь для гуляній

перестала и только еще родители приходят сюда поката-
ть своих малышей на диванчиках и лешадках кар-
руселей и водят их въ балаганы къ пресловутому «Пе-
трушкѣ», которому, кстати сказать, хотя и много лѣтъ,
а умѣе онъ стать все не можетъ.

Н. Моктѣвъ.

ЗАМѢТКИ.

Къ пребыванію въ Томскѣ Государя Наслѣдника и Ве-
ликаго Князя Николая Александровича. Въ іюль мѣсяцѣ
1891 г. Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ
проездомъ по Сибири посѣтилъ Томскъ. Гордѣ готовился
къ торжественной встрѣчѣ Августѣйшаго Гостя. Толпы
народа стояли по улицамъ. Когда Государь Наслѣдникъ
въ открытой коляскѣ проѣзжалъ по Почтамтской улицѣ,
изъ толпы неожиданно выступилъ челоѣкъ и бросилъ въ
коляску, къ ногамъ Наслѣдника, какой-то свертокъ.
Улица вздрогнула... «Бросилъ, бросилъ!»—тревожно по-
неслось по рядамъ. У всѣхъ промелькнула ужасная мысль
о покушеніи. Когда прошелъ первый моментъ оцѣпенѣнія и
коляска умчалась дальше, народъ заволновался. Скоро
дѣло, однако, объяснилось очень просто. Въ Томскѣ
жилъ въ ссылкѣ какой-то кавказскій дворянинъ Шума-
ха. Считая себя жертвой несправедливости властей, онъ
засыпалъ разныя правительственныя учрежденія вся-
кими прошениями. Его считали помѣшаннымъ и не обра-
щали на него никакого вниманія. Шумаха ухитрился
доставать старыя вице-губернаторскіе мундиры съ золо-
тыми златыми погонами и важно разгуливалъ въ нихъ по
Большой улицѣ, зорко наблюдая за тѣмъ, чтобы солда-
ты отдавали ему честь. Прозѣвавшихъ это дѣлать онъ
рѣспекалъ тутъ-же на улицѣ самымъ жестокимъ обра-
зомъ. Особенно онъ наводилъ страхъ на молодыхъ солдати-
ковъ. Встрѣчая на улицѣ знакомую даму въ обществѣ
какого-либо мужнины, реагировалъ на эту встрѣчу сво-
еобразно: соперникъ губаремъ летѣлъ съ тротуаровъ.
Вотъ этотъ-то полоумный Шумаха, воспользовавшись
пріездомъ Наслѣдника, и бросилъ въ экипажъ Цесареви-
ча одно изъ своихъ обычныхъ прошеній. Къ пріезду На-
слѣдника власти упустили изъ виду пріобрѣсть Шумаху и
эта забывчивость доставила администраціи Томска не

мало неприятныхъ минутъ. Наслѣдникъ-же улыбулся, когда ему бросили свертокъ.

С. Б. Г.

* *
*

Изъ жизни тобольскаго епископа Варлаама. Тобольскій епископъ Варлаамъ былъ большой любитель астрономіи. Изучая астрономію, онъ, говорятъ, написалъ даже въ опроверженіе канто-лапласовской теоріи о происхожденіи вселенной книгу, которая, впрочемъ, не имѣла успѣха. Для наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ епископъ имѣлъ даже особую будку, гдѣ помѣщалъ телескопъ. Однажды Варлаамъ вздумалъ показать въ трубу тремъ монахамъ архіерейскаго дома звѣздное небо. Подходитъ первый монахъ; долго и напряженно смотритъ въ телескопъ.

— Ну, что? видишь-ли что-нибудь?—спрашиваетъ епископъ.

— Вижу, Владыко. Не даромъ Писаніе говоритъ: «Небеса повѣдаютъ славу Божию»!

Подходитъ другой монахъ и такъ-же внимательно глядитъ въ трубу.

— А ты, что видишь?— снова вопрошаетъ епископъ.

— Ужъ такъ, Владыко, хорошо, такъ хорошо, что „не лѣтъ есть человѣку и глаголати“!

— Ты теперь посмотри,—обращается Варлаамъ къ третьему монаху.

Послѣдній сначала внимательно смотритъ въ трубу, затѣмъ начинаетъ проявлять явное нетерпѣніе.

— Что видишь?

— Ничего, Владыко, не вижу.

— Какъ ничего? Быть не можетъ! Дай я самъ посмотрю.

Епископъ наклоняется къ трубѣ и встрѣчаетъ тамъ полную темноту. Секретъ оказался простъ. Наставивъ телескопъ обычнымъ наклономъ въ опредѣленное мѣсто звѣзднаго неба, епископъ забылъ снять съ передняго конца трубы кожанный колпачекъ. Первые два монаха, восхвалявшіе красоту неба, боясь сурзаго епископа, не рѣшались сказать ему правду, но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая польстить своему начальнику, немилосердно вралъ. Можно себѣ представить гнѣвъ епископа, съ которымъ онъ обрушился на мистификаторовъ.

— Вонъ отсюда!—заключилъ свой сеансъ Варлаамъ

При рытвѣ канавы для фундамента подъ новый домъ, въ землѣ найдены были хорошо сохранившіяся, бѣлыя человѣческія кости. О неожиданной находкѣ сообщили Варлааму, который распорядился призвать врача. Между епископомъ и врачомъ произошелъ слѣдующій любопытный діалогъ:

— Можетъ-ли ваша наука опредѣлить, кому принадлежатъ найденныя кости: человѣку, или животному?

— Можетъ, Владыко.

— Можетъ-ли ваша наука сказать, чиѣ эти кости: мужчины, или женщины?

— И это можетъ, Владыко; срѣженіе костей (тазовыхъ) показываетъ, что кости принадлежали женщинѣ.

— А можетъ-ли ваша наука опредѣлить, какой женщиной принадлежали кости: дѣвственницѣ, или блудницѣ?

— Нѣтъ, наша наука бессильна это сдѣлать.

— Вотъ то-то и есть!—закончилъ свой разговоръ епископъ.—А наша наука,—богословіе,—можетъ это сдѣлать: наша наука говоритъ, что кости дѣвственницы благоухаютъ и цвѣтутъ, а кости блудницы смердятъ!

Въ поѣздкахъ по епархіи Варлаамъ геопустительно экзаменовалъ духовенство въ знаніи имъ свѣихъ обязанностей, безотносительно къ возрасту, заслугамъ и образованію священнослужителей. Глубокіе стѣрцы, студенты семинаріи—все подвергались экзамену. Не обходилось безъ курьезовъ, особенно, когда подъ вопросы епископу попадался какой-нибудь батюшка изъ простецовъ. Переведенный въ семидесятыхъ годахъ прошл. стол. въ Пензу, Варлаамъ и тамъ не оставлялъ своихъ экзаменовъ, о которыхъ печатался забавныя сзвѣнія въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

С. Б. Г.

* * *

Иркутскія эпиграммы. (Продолженіе).

7 Забытый городъ.

(На городского голову В. П. Сукачева).

„Барина все гѣту... баринъ все не ѣдетъ“.

Некрасовъ.

У Иркутска, града, что слыветъ столицей—

Матушки Сибицкія, словно хищной птицей,

Склевано богатство—много тысячъ будетъ.

„Голова пріѣдетъ, голова разсудитъ“—

Мыслить обыватель... Строил мостъ пркутный,
Инженеръ, хоть милый, но весьма безпутный,
Видя въ томъ не дѣло, а свою карьеру...
«Голова прѣдетъ, будетъ инженеру»,—
Думаютъ гражданъ,—,дастъ ему онъ гонку“.
Нѣкто проситъ права провести намъ конку,
Освѣтивъ нашъ городъ... Дань отвѣтъ: „прибудетъ
Голова и просьбу вашу самъ разсудитъ“.
Мостъ снесло всдою вешняго разлива...
Въ лужахъ нашихъ улицъ плаваешь кичливо
Стая дикихъ утокъ... Ночью зги не видно,
Какъ луна не свѣтитъ... Ей же, знать, обидно
Тратить свѣтъ свой даромъ, лишь управцамъ въ руку.
Обыватель долженъ видѣть въ томъ науку:
„Не шатайся поздно. Ночь для сна дана намъ;
Спи, какъ спать управцы, прислонясь къ диванамъ:
Знай хранить, лишь кто-то вдругъ порой забредитъ“...
Головы все-жъ нѣту... голова не ѣдетъ...
Наконецъ, въ судѣ мы, праздная реформу,
Голову узрѣли. Онъ облекся въ форму,
Дня три суетился, выпрямивъ станъ гордо;
Со спины напомнилъ англійскаго лорда.
Рѣчь сказалъ и слезы умиленья вытеръ.
Сѣлъ въ курьейскій поѣздъ и—уѣхалъ въ Пктеръ.—

Незамѣтный.

Юнь. 1897 г.

8 *Замѣчательно, удивительно.*

Замѣчательно, удивительно,
Какъ живется намъ восхитительно.
Населень нашъ край все отбросами:
Россіянами, малороссами,
И евреями, и татарами;
Нагрѣшившими много барами,
Да купечествомъ, да крестьянами,
Да черкесами и армянами.
Лишены вѣхъ правъ состоянія,
Лишены всего достоянія,
Одичалые, озлобленные,
Съ дорогой семьей разлученные,
Зачерствѣли здѣсь люди ссыльные,
Духомъ слабые, тѣломъ сильные.
И срывають злость надъ невинными,
То съ арканами ходятъ длинными,

То съ ножомъ однимъ, то съ удавкою....
Дорожать они винной лавкою,
Грязной портерной, да бездѣлемъ,
Буйной выпивкой, да похмѣлемъ.
Удивительно, замѣчательно,
Охраняютъ насъ такъ старательно,
Что должны мы жить не опасно,
Какъ въ Аркадіи—мирно, счастливо.
Сторожей ночныхъ, мѣстныхъ жителей,
Приставляютъ къ намъ изъ грабителей,
Къ дѣтямъ—нянюшку, срокъ отбывшую,
Двухъ дѣтей своихъ погубившую,
И кухаркой мы восхищаемся,
Отъ трудовъ ея насыщаемся,
Хоть и есть за ней преступленіе,
Десяти людей отравленіе.
Замѣчательно, поразительно,
Какъ сложилась жизнь удивительно.
Сколько счастья въ ней и пріятности,
Сколько видимъ мы деликатности
Отъ жигановъ всѣхъ, отъ грабителей,
Нашихъ недруговъ и мучителей!
Ихъ любезность въ томъ проявляется,
Что дневной грабежъ не встрѣчается,
Если вѣрить намъ нашей гласности,
Мы проводимъ день въ безопасности,
Были-бъ рады мы, люди смирные,
Но хозяева здѣсь квартирные,
Грабежомъ дневнымъ занимаются,
Обождать жильца такъ стараются.
Хоть дома подъ часъ и чалдонскіе,
А квартиры въ нихъ есть баронскія
По цѣнѣ своей ужасающей,
И столичную превышающей.
И сидятъ жильцы прохлаждаются,
Изо всѣхъ щелей обдуваются.
Дѣло зимнее, стужа лютая,
А пос:ройка вся вѣтромъ вадутая...
Руки мерзлыя потираючи,
Въ ней скорбятъ жильцы, напѣваючи:
„Замѣчательно, ~ удивительно,
Какъ живется намъ восхитительно“.

9-го декабря 1901 года.

Иркутскъ.

Редакторъ-издатель А. Линьковъ.